ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- ИСТОРИЯ ДОРОГИХ РЕЛИКВИЙ (1—2 стр.)
- РАБОЧАЯ БИОГРАФИЯ РЕК (2 стр.)
- Г. ГУЛИА — ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В КИСЛОВОДСКЕ (2 стр.)
- К. ВАНШЕНКИН — ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ (3 стр.)
- «ИЛЬФ И ПЕТРОВ ПУТЕШЕСТВУЮТ...» — ВОСПОМИНАНИЯ Л. СЛАВИНА (3 стр.)
- СТИХИ МЕДЕИ КАХИДЗЕ (3 стр.)
- ЗАРУБЕЖНЫЕ ПЬЕСЫ НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНЕ (3—4 стр.)
- РАССКАЗ БЕЛЯ ДЛЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» (4 стр.)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган
правления Союза писателей
СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й
№ 65 (3988)
СУББОТА, 4 ИЮНЯ 1966 г.
ЦЕНА 4 коп.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ КОММУНИСТЫ СМОТРЯТ ВПЕРЕД

Зденек ГОРЖЕНИ,
чехословацкий публицист

В ПРАГЕ тоже есть Дворец съездов. Это просторное старинное здание с современным оборудованием, место многих общественных мероприятий столицы, свидетель множества знаменательных событий послевоенной истории государства.

На этой неделе Дворец съездов, верный своему имени, гостеприимно распахивал каждый день свои двери сотням делегатов XIII съезда Коммунистической партии Чехословакии.

Съезд чехословацких коммунистов, который должен в нынешнюю субботу закончить свою работу, открылся во вторник 31 мая. Однако на самом деле открылся он гораздо раньше. У делегатов в руках был подробный отчетный материал съезда. С пометками, подчеркиваниями — он был уже проштудирован. Делегаты получили его заранее, чтобы основательно подготовиться к съезду и кое о чем спокойно поразмыслить.

Итак, во вторник, в день открытия, съезд, собственно, уже продолжался. Выступление первого секретаря ЦК КПЧ Антонина Новотного практически было комментарием к отчетному документу, розданному делегатам.

Съезд с самого начала сосредоточил свое внимание на нескольких главных проблемах, подготовленных в отдельных документах. К ним относится проект резолюции о международном коммунистическом движении, о дальнейшем развитии социалистической культуры, о роли и задачах местных советов.

ЦК КПЧ перед съездом привлек к разработке этих документов широкий коллектив людей — ученых, экономистов, политиков, деятелей культуры, писателей, журналистов. Работали разные комиссии и подкомиссии. Пять месяцев проходило всенародное обсуждение тезисов съезда, которые сформулировали кредо политики КПЧ в разных областях жизни.

В Чехословакии много говорилось — и постоянно говорится — об усовершенствованной системе планирования и управления народным хозяйством. Собственно, это касается каждого. И нет ничего удивительного, что именно эта тема заняла доминирующее место и под сводами Дворца съездов. Жизнь накопила богатый практический опыт. Несколько сотен заводов целый год опытным путем проверяли некоторые принципы новой системы, и с начала этого года уже в широком масштабе ею были охвачены вся промышленность и строительство. Сейчас «большой эксперимент» проник в другие производственные сферы; изменения приняты и в планировании сельского хозяйства.

Делегатам было о чем дискутировать: о первых результатах, о возникающих проблемах, о трудностях и неувязках, о переменах, которые «новая экономическая политика» вызвала в иных сферах — в мышлении, психологии людей и т. п. Разговор был открытый и полезный. Точки зрения по отдельным вопросам могли быть разными, но одно бесспорно: делегаты единодушны в том, что необходимо «доработать и энергично ввести в жизнь» новую систему для всего народного хозяйства.

Не менее важным был и разговор о проблемах развития науки и техники, а также о вопросах труда и быта человека социалистического общества. Наряду с чисто техническими проблемами, которые в той или иной мере уже решались ранее, на этот раз много внимания было уделено социальным изменениям, которые принесла и будет впредь приносить с собой научная и техническая революция, что раньше зачастую недооценивалось. Эта революция вмешивается не только в структуру производительных сил, но одновременно оказывает глубокое влияние и на социальные условия жизни людей, характер труда и все поведение человека XX столетия, на его общественные, индивидуальные и моральные ценности.

Поэтому эти вопросы заняли на съезде чехословацких коммунистов значительное место. Быт и условия труда понимаются как важная составная часть жизненного уровня, их нужно регулировать, планировать. Здесь нужно влиять не менее перспективно и сознательно, чем на экономику. Ведь целью происходящих изменений, касающихся повышения жизненного уровня, — подчеркивается на съезде — является создание социалистического образа жизни, уклада жизни свободного человека.

Коммунистическая партия Чехословакии, как и другие братские партии, решает на своих съездах сложные вопросы дальнейшего развития социалистического общества. В поисках действенных форм и методов социалистического строительства она исходит как из общего опыта других стран, прежде всего учитывая опыт первого социалистического государства — СССР, так и из национальных условий и традиций.

Каждый съезд братских партий — трибуна международного обмена опытом. Ею бесспорно стал и XIII съезд Коммунистической партии Чехословакии.

ПРИВЕТ СТРОИТЕЛЯМ МОСКВЫ ОТЪЕЗЖАЮЩИМ В ТАШКЕНТ!

Товарная станция Митьково Московской железной дороги. Отсюда берет старт эшелоны московских строителей, отправляющихся восстанавливать столицу Узбекистана.

Фото А. Награльяна

Встречи с избирателями

Сотни гостей из многих районов Ленинградской области съехались в этот день в Гатчину. Здесь, в городском Доме культуры, они встретились с секретарем правления Союза писателей СССР, председателем Советского комитета защиты мира, поэтом Николаем Семеновичем Тихоновым — кандидатом в депутаты Совета Национальностей по Ленинградскому сельскому избирательному округу.

Кандидатом в депутаты высшего органа государственной власти нашей страны Н. С. Тихонов выдвинут коллективом Киришского нефтеперерабатывающего завода. Ленинградцы давно знают и любят Н. С. Тихонова и по праву считают его своим земляком — в городе на Неве он родился и рос, здесь вступил в ряды Красной Армии, здесь были написаны и напечатаны и «Орда», и «Брага», и поэма «Киров с нами», и другие стихи, очерки, рассказы, созданные в годы Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде. Рабочие, инженеры, партийные работники, сельская молодежь горячо приветствовали видного советского поэта и призвали всех избирателей округа в день выборов единодушно отдать свои голоса за кандидата блока коммунистов и беспартийных Н. С. Тихонова.

Выступив перед избирателями, Н. С. Тихонов тепло поблагодарил за доверие и заверил их, что будет верно служить народу.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

* * *

Из трехдневной поездки по Джульфинскому району Азербайджана возвратился первый секретарь правления Союза писателей республики Мирза Ибрагимов. Кандидат в депутаты Совета Национальностей встретился с представителями трудящихся города Джульфы, колхозниками, пограничниками. Рабочие, служащие, колхозники единодушно поддержали кандидатуру Мирзы Ибрагимова. В своем ответном слове он тепло поблагодарил избирателей за оказанное ему доверие. Писатель рассказал о задачах советской литературы в связи с решениями XXIII съезда партии, поделился своими творческими планами.

БАКУ. (Наш корр.)

колонка обозревателя

ПОКА СПОРЯТ ГРОССМЕЙСТЕРЫ...

Гроссмейстер сделал ход, и в тишине переполненного зала раздались одинокие аплодисменты. Дело было в Ереване, темперамент болельщиков доставил главному судье Котову уже немало забот, и он поспешил расследовать причину шума на месте.

— Что же вы шумите, зачем зря аплодируете? — сказал Котов.

— Как же! Ведь Миша Таль сделал мой ход!

Чемпион делает ход, который угадал любитель! И это радостно. Таких моментов бывает немало. Выведен даже закон: «Со стороны виднее».

Матч Петросяна со Спасским дал рекордное число ничьих. И мирные результаты вызвали бурю в шахматном мире.

После восемнадцатой партии ничьих было уже пятнадцать. Девятнадцатая партия игралась в жаркий и душный день. Петросян и Спасский изменились. Они похудели, осунулись. Однако бились они без скидок на утомление, на жару. Более того, финиш ожесточает борьбу. А тем временем в пресс-бюро гроссмейстеры отодвинули шахматные фигуры и заспорили.

Накануне С. Флор выступил в газете «Труд» со статьей, звучавшей как обвинительное заключение по «делу о ничьих». Гроссмейстер Симагин в шутливой форме пытался заявить отвод «прокурору». Он напомнил, что еще не так давно, когда Флор активно выступал в соревнованиях, он сам делал множество ничьих и даже писал: «Очко получается из двух половинок». Симагин подвергся встречной атаке Флора и Котова. И особенно за то, что высказал в печати мнение, будто Петросян и Спасский играют сильнее Алехина и Капабланки. Представители старшего поколения протестуют. Они не дают в обиду классиков, они утверждают, что и ничьи в прошлые годы были лучше. А сейчас ничьи не те...

Хладнокровный гроссмейстер Авербах напомнил, что комментаторы и любители ругали даже самый первый официальный матч на мировое первенство, матч Вильгельма Стейница и Иоганна Цукерторта. Тогда критиков не устраивало качество партий. Между тем Стейниц заслуженно был чемпионом без малого три десятка лет, и на качество его игры жаловались в основном соперники.

Гроссмейстер Суэтин не склонен к критике стратегии Петросяна и Спасского.

— Не завидую я кое-кому, если бы они оказались за доской против Тиграна или Бориса в одной из этих «ничейных» позиций, — говорит Суэтин.

Пока спорили комментаторы, Спасский последовательно довел до победы девятнадцатую партию. После проигрыша Петросяна поговаривали, что он переутомлен. В двадцатой партии Спасский, избегавший до этого черными изведанных теоретических путей, пошел на часто встречающуюся в практической игре позицию, однако равенства не достиг. Белые фигуры Петросяна доминировали, а один его слон просто «задавил» центр, обрекая черных на пассивность. Пресс-бюро кипело вариантами, а не словами, забыв о проблеме ничьих. Петросян медлил, но гром грянул: нервы Спасского не выдержали, и он поднялся в атаку. Петросян принял несбоснованные жертвы, и к контрольному ходу поражение Спасского стало очевидным.

Наконец, двадцать первая партия. Еще одна ничья — победная ничья Петросяна.

Я писал эту статью, еще не зная исхода вчерашней партии. А она, быть может, и окажется решающей в матче?

М. БЕЙЛИН,
мастер спорта

...ИМЕНИ ЧАЙКОВСКОГО

НЕЗАДОЛГО до открытия Третьего международного конкурса имени П. И. Чайковского я разговаривал с Виктором Борисовичем Шкловским.

— Что бы вы хотели пожелать молодым музыкантам мира, собравшимся в эти дни в Москве? — спросил я у него.

Ответ старого писателя был лаконичен. «Помните, — сказал он, — Лев Толстой называл музыку стенографией чувств. Чайковский застенографировал мысли России. Я желаю участникам конкурса имени Чайковского попытаться верно прочесть мысли и чувства людей нашей планеты».

Сегодня в Москве звучит прекрасная вечная музыка, выражающая мысли и чувства людей земли, и каждый из музыкантов, всходящих на эстраду конкурса, стремится сделать эти мысли и чувства достоянием своих слушателей. Когда это удается, наступают счастливые минуты, ради которых и существует музыка.

Таких минут было немало уже в первые дни конкурса. Москвичи, гости столицы, заполнившие концертный зал имени Чайковского, где проходят отборочные прослушивания скрипачей и виолончелистов, тепло приняли выступления скрипачей Олега Крысы и Рубена Агароняна из Советского Союза, американца Чарльза Каслмена, японки Масуко Усиода, виолончелистов Натаниэля Розена (США), Арто Нораса (Финляндия), Стефана Попова (Болгария), Элеоноры Тестелец и Тамары Габарашвили (СССР). Они все очень разные, эти музыканты, не схожие по манере, но каждого отличают талант, вкус, глубокая музыкальная культура.

Обязательная программа первого тура очень сложна, и далеко не все участники успешно преодолевают «рифы» виолончельного виртуозного этюда Поппера или скрипичных каприсов Паганини. Очень неровно звучит и Бах, при исполнении которого музыканту требуется не только высокое техническое мастерство, но и глубокое проникновение в замысел произведения. Зато пьесы Чайковского удаются иностранным музыкантам на нынешнем конкурсе гораздо лучше, нежели на предыдущих. Это отмечают многие специалисты.

На конкурсе царит атмосфера интернациональной дружбы. Не все скрипачи и виолончелисты приехали в Москву со своими концертмейстерами. На репетициях возникают слаженные дуэты. Так, в успехе виолончелиста из Болгарии Стефана Попова есть заслуга его чуткого аккомпаниатора из Великобритании.

Большой успех в третий день конкурса выпал на долю шестнадцатилетней японской скрипачки Ёкко Сато. Она уже хорошо знакома московской публике. С 1959 года одаренная девочка учится в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории, ее занятиями руководит профессор Леонид Коган. Скрипачка только заканчивает десятый класс, но уже сегодня ее можно назвать вполне сложившимся музыкантом. Виртуозно легкий, свободный стиль Сато сочетается со зрелой, продуманной трактовкой произведений. Эти качества особенно сказались, на мой взгляд, при исполнении адажио и фуги из сонаты соль минор Баха и знаменитого каприса № 24 Паганини, являющегося одним из труднейших в мировой скрипичной литературе.

С утра до вечера оживленно в пресс-центре конкурса. Работу крупнейшего международного музыкального соревнования освещают около 200 советских и иностранных журналистов. Регулярно на русском и английском языках выходит пресс-бюллетень, содержащий разнообразную информацию о ходе конкурса.

Первый тур прослушивания скрипачей и виолончелистов подходит к концу. Завтра вечером мы узнаем имена молодых музыкантов, которые продолжат труднейшее соревнование. Высокое жюри оценивает выступление каждого участника по 25-балльной системе. Ко второму отборочному туру будут допущены исполнители, набравшие не менее 18 баллов.

Е. СИДОРОВ

ГОСТИ ЛИТЕРАТОРОВ

Гостями Центрального Дома литераторов были за последнее время многие руководители министерств, крупнейшие ученые, общественные деятели.

Вице-президент Академии наук СССР М. Д. Миллионщиков посвятил свое выступление задачам, стоящим перед советской наукой после XXIII съезда КПСС. Перспективам развития издательского дела в СССР была посвящена вторая беседа писателей с председателем Комитета по печати при Совете Министров СССР Н. А. Михайловым. Интересно прошла встреча с министром здравоохранения СССР, лауреатом Ленинской премии Б. В. Петровским.

«Ох! Лето красное!..»

ВЗАИМНОЕ ДОВЕРИЕ

Летом школы не работают. Летом ребята вдвое, втрое, вдесятеро раз чаще, чем зимой, бегают в кинотеатры. Эта истина, простая и приятная, как парниковый июньский огурец, не укрылась от глаз кинопрокатчиков. Бегают, говорите, чаще? По улицам бегают? И летний детский кинопраздник открылся грандиозным мероприятием.

Газета «Вечерняя Москва» возвестила:

С 1 по 10 июня
ДЕКАДА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ КИНОФИЛЬМОВ ПО ПРАВИЛАМ УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Мероприятие прекрасное и полезное! Его научно-популярность ясна, как семафор. Не зевай по сторонам. Не веди себя как мультипликационный чертенок.

И просвещенное дитя столицы мимо зеленого света, по пешеходной дорожке прошагало к кинотеатру. Теперь дело за малым — что посмотреть? Ведь не заменят же детские фильмы «по правилам уличного движения» все ожидаемые радости и впечатления? Начались детские каникулы — подавай широко детский репертуар.

Но в десятках московских кинотеатров просто не существует детских киносеансов. Забыли. Не учли. Прослушал «Пионерскую зорьку» — шагай на «Жену Лота». Если пустят. Или на «Это безумный, безумный, безумный мир». Если не испугаешься.

Есть, правда, на земле чудаки, которые считают, что даже такую картину, как «Это безумный, безумный, безумный мир», даже такое прекрасное произведение, как «Гамлет», в 9 — 10 лет читать или смотреть рановато. Непонятны будут отдельные детали. Н — все вместе. Но так ли уж это важно, если у ребенка каникулы?

Существуют в Москве 8 кинотеатров для детей и юношества. Правда, в «Юном зрителе» уже много месяцев одна и та же картина — ремонт. Правда, и в семи остальных детские сеансы коротки, как утренние зори. Мелькнут. А потом начинается настоящая работа.

И стоит каникулярная личность в июньские дни перед «детскими» кинотеатрами, размышляя: «Взглянуть на «Убийство на площади»? Вроде бы страшновато. «Магазин на площади»? Тоже ведь не про игрушки. «Тобаго» меняет курс»? Там, говорят, тетя раздевается... «Дон Сезар де Базан»? Подходяще, да непонятно. «Королева бензоколонки»? И понимать вроде нечего...»

Впрочем, каникулярный младенец так не думает. Все это мы придумываем за него в наших «педагогических раздумьях». А он запросто покупает билет и идет смотреть ТО, ЧТО ПОКАЗЫВАЮТ.

Да, друзья, дети с удовольствием ходят на взрослые фильмы! Они привыкли смотреть их. И взрослые привыкли их показывать. Здесь установилось полное взаимное доверие.

Приезжайте, дорогие шекспироведы, к нам, во двор кинотеатра «Пионер», смело проходите в детские «песочницы». Вы услышите удивительные толкования «Гамлета»! Присаживайтесь на начали, дорогие кинопрокатчики. Вы узнаете, что думают потребители манной каши о «Гадюке» и о «Черном бизнесе».

— За ними и машину-то не видно! Рисунок А. Соколова

Детское кино? Есть, говорят, такое...

Это когда мультфильмы показывают? Это рано утром, когда спишь? Это про то, что братец Иванушка и сестрица Аленушка должны соблюдать «правила уличного движения для детей»?

Правила уличного движения, как известно, для детей и для взрослых общие.

И кино тоже?

А. ВАСИЛЬЕВ

поиски

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Владимир АНОХИН

Безгранична любовь народа к Ленину.

О Ленине создано бесчисленное множество талантливых произведений литературы и искусства. В различных уголках земного шара воздвигнуты и бережно охраняются народом памятники великому вождю. Среди них особый интерес для летописи революции представляют памятники Владимиру Ильичу Ленину, выполненные руками рабочих и крестьян России в первые годы Советской власти.

Многие из таких памятников до сих пор не найдены. Авторы некоторых, к сожалению, неизвестны. Журналист В. Анохин — автор книги «Память народа» (Политиздат, 1965) — в этом очерке рассказывает о своих поисках.

ПОСЛЕ войны приехали в Москву итальянские рабочие и среди них — бывшие партизаны. Один из партизан, с глубоким шрамом на лице, рассказал мне удивительную историю.

В дни войны бойцы одного из итальянских партизанских отрядов ходили в бой против фашистов с портретом Ленина, прикрепленным к древку, как боевое знамя. Портрет был соткан из черных и белых нитей. Внизу надпись красной краской: «Вива Ленин!» У края портрета — три загадочные буквы «С. П. Х.».

Никто не знал, какими судьбами этот портрет Ильича попал на север Италии. Однако партизан со шрамом утверждал, что он выткан много лет назад на одной из московских ткацких фабрик. Я решил найти его автора. И прежде всего выяснить, что означают эти три буквы «С. П. Х.». Я объехал все ткацкие фабрики Москвы и Московской области, говорил с десятками людей. На ткацкой фабрике «Красная работница» в Москве меня познакомили с художником, который когда-то рисовал портрет Ленина. Но оказалось, что рисовал он его после войны и фамилия, имя и отчество не сходились с таинственными инициалами. На Глуховском хлопчатобумажном комбинате под Москвой мне сказали: «У нас такой портрет не делали, есть у нас другое, для вас тоже будет интересно». Увлеченный поисками портрета, я не обратил особого внимания на эти слова, но в блокноте записал: «Глуховка».

Поиски продолжались. И вот однажды на московской «Трехгорке», в небольшой мастерской, где работали фабричные художники по ткачеству, показали мне копию ленинского портрета. Да, это был тот, который я искал. Кто же все-таки его автор?

В конце 1924 года на московской «Трехгорке» работал старый мастер-художник по ткачеству Сергей Петрович Храпунов. Много прекрасных рисунков перенес он на полотно за свою жизнь. И вот однажды решил создать впервые в мире тканый портрет В. И. Ленина. Долгие месяцы провел он за этой работой.

Когда портрет Ленина был готов, его повесили в клубе для всеобщего обозрения. Вскоре на «Трехгорку» приехала делегация французских рабочих. Трехгорцы подарили одному из делегатов ленинский портрет, сотканный по рисунку С. П. Храпунова. От французов он, видимо, и попал в Италию во время войны...

Вскоре мне пришлось побывать на Украине. Случилось так, что я задержался в пути и, возвращаясь однажды вечером пешком из районного центра, присел отдохнуть у костра пастуха. Разговорились. Я рассказал ему историю портрета с «Трехгорки». Пастух сидел на траве, не задавал вопросов, а только дымил цигаркой и задумчиво помешивал палкой горевшие сучья. Наконец, он сказал:

— Да, Ильича никогда не забудут... Большой души был человек.

Помолчав, он добавил:

— А ведь, наверное, еще кто-нибудь сделал такие памятники. Никто о них не знает, никто их не искал...

Я ничего не ответил ему. Но уникальный портрет В. И. Ленина, вытканный на московской «Трехгорке», стал первым в цепи моих поисков.

Здесь же на Украине, в маленьком селе Вигава Винницкой области, разыскал я скромный обелиск в честь В. И. Ленина, поставленный крестьянами 8 ноября 1924 года. Крестьяне сами нашли на дне ближайшего Гниваньского карьера огромные гранитные глыбы, обтесали и привезли в центр села. На гранитной груди обелиска высекли слова клятвы — довести до конца бессмертное дело Ленина. Сейчас у подножия обелиска зимой и летом лежат букеты цветов.

В ЗАЛАХ Пятигорского краеведческого музея есть материалы о бессмертном подвиге юной партизанки Нины Попцовой. В дни войны вблизи Пятигорска перед Ленинской скалой она дала клятву верности Родине. Об этом она писала в письме к матери. Нина выполнила особо важное задание и, когда была схвачена гестаповцами, погибла героиней.

Автор этого портрета Ленина — наборщик А. Горшков.

...И вот я на Кавказе. Скала неподалеку от места дуэли Лермонтова. На ее вершине, под самыми облаками, виден издалека портрет Владимира Ильича Ленина. Каждый день приходят сюда люди. Они подолгу стоят возле скалы, вглядываясь в дорогие черты. Школьников принимают здесь в пионеры и повязывают им красные галстуки. Комсомольцы устраивают торжественные собрания и получают комсомольские билеты. А весной, в день рождения Ленина, молодежь украшает портрет цветами и зеленью, стоит около него в почетном карауле.

Однако историю создания этого легендарного портрета услышал я год спустя в Москве, во Дворце культуры завода «Серп и молот». Пожилой, но еще очень бодрый человек читал со сцены свои стихи и рассказывал притихшим слушателям о скале с портретом вождя под Пятигорском.

...Произошло это сорок лет назад, летом 1925 года. В Пятигорске проходил Первый краевой съезд горянок и терских казачек Северного Кавказа. На съезде присутствовало много гостей из различных районов страны. Среди них был молодой ростовский инженер, поэт и художник Николай Кузьмич Щуклин. На одном из последних заседаний он поднялся на трибуну и сказал, что хочет подарить съезду портрет великого Ленина, который нарисовал на скале.

...Несколько дней подряд, днем при солнечном свете и ночью при пламени костров, рисовал он необычный портрет. Обвязавшись веревкой, прикрепленной к дереву, работал на высоте около 400 метров.

Закрывая съезд, делегатки провели заключительное заседание у Ленинской скалы, — так стали называть ее в народе.

Интересна и дальнейшая судьба портрета. В дни войны фашисты заняли Пятигорск. Они хотели уничтожить портрет Ленина на скале, стреляли в него из орудий и пулеметов, пытались закрасить. Но портрет уцелел. Гитлеровцев приводило в бессильную ярость, что портрет Ленина привлекает всеобщее внимание, что кто-то кладет цветы к подножию скалы.

Наконец фашисты решили взорвать скалу. Уже заложили взрывчатку, но внезапное наступление советских войск сорвало их замысел.

После войны коммунист Н. К. Щуклин приехал в Пятигорск и восстановил портрет. И опять идут люди к Ленину. Никогда не зарастает горная тропинка, ведущая к Ленинской скале...

Человек, рассказавший рабочим «Серпа и молота» эту историю, и был автор портрета — инженер, поэт и художник Николай Кузьмич Щуклин.

...МОИ поиски продолжались. Шли письма из краеведческих музеев, различных архивов, от юных следопытов, старых большевиков, героев гражданской войны. Раскрывались уже ставшие преданиями, простые, но удивительные, сердечные истории создания памятников Ильичу.

Однажды неожиданно из Киева пришло письмо от пенсионера И. И. Тверского. Этот человек за несколько лет собрал уникальную коллекцию — 300 фотографий

(Окончание на 2-й стр.)

ВСПОМИНАЯ БОЛЬШОГО ПОЭТА

В Центральном Доме литераторов состоялся большой интернациональный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения замечательного азербайджанского советского поэта Самеда Вургуна. Председательствовал на вечере Е. Долматовский. Слово о Самеде Вургуне произнес Расул Рза. С чтением стихов, посвященных поэту, с переводами его произведений выступили А. Адалис, С. Васильев, К. Симонов, гости из Грузии — К. Каладзе, из Армении — М. Маркарян, с Украины — В. Коротич, из Чечено-Ингушетии — Н. Музаев, иранская поэтесса Жале, азербайджанские писатели И. Кэбирли, Х. Рза, Р. Гейдар, В. Кафаров.

«ХОРОШЕНЬКАЯ ДОЛЖНОСТЬ?»

Вопрос, вынесенный в заголовок, заключен в кавычки, поскольку он взят из одной горьковской статьи, написанной в 1931 году. А. М. Горький говорит в ней о должности «воровки», учрежденной в одном берлинском универмаге для привлечения покупателей. «Воровку» один из приказчиков публично обвиняет в краже. Естественно, собирается толпа.

«Хорошенькая должность?» — иронически спрашивал Горький.

На снимке, взятом нами из западногерманского еженедельника «Штерн», вы видите двух современных представителей этой «хорошенькой профессии». Нет, не думайте, что стоящая на заднем плане женщина украла туфельку, за которой нагибается мужчина. К таким «примитивным» приемам теперь уже не прибегают. Все разыгрывается по более сложному сценарию. Только что здесь, на мостовой римской улицы Виа Венето, происходила драка. Американский атлет Микки Харджайти дал пощечину итальянскому фоторепортеру и сбил его с ног за то, что тот осмелился нацелить свой объектив на западногерманскую киноактрису Барбару Валентин.

«Пощечина была смачной и предварительно согласованной,— пишет «Штерн», — она должна была помочь Барбаре Валентин (25 лет) вернуть после четырехлетней паузы, вызванной замужеством, былую славу западногерманской скандальной примадонны номер один». Все участники этой драки получили вознаграждение, от выходящего в

Кёльне еженедельника «Нейе иллюстрирте», который и командировал артистку в Рим, выговорив себе право первым опубликовать «сенсационные» фотографии. Однако сразу же обнаружилось, что напечатанный в журнале фоторепортаж «Микки защищает Барбару» представляет собой инсценировку.

«Позированием около дерущихся парней, — пишет «Штерн», — Барбара Валентин еще не полностью «отработала» выплаченные ей деньги. Она должна еще, как Анита Экберг в «Сладкой жизни», в модном платье броситься в воды «фонтана Треви».

Если добавить к этому, что еженедельник «Нейе иллюстрирте» совсем недавно в нескольких номерах подряд печатал «сексуальную исповедь» Барбары Валентин под выразительным заглавием «Мои дикие, дикие годы», то можно лишь дивиться тому, с каким искусством кёльнские мастера превращают в золото «свет», источаемый «звездой».

«Оставьте на мне хоть один волосок добра, — просила Барбара Валентин журналистов после римской истории. — Разумеется, я могла бы еще кое-что рассказать об этом деле, но я не могу нарушить контракта».

Хорошенькая должность?

М. ИЮНЬ

Пятилетка:
НАУКА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

КОГДА СТРОЙКА НАЧИНАЕТСЯ...

Юрий ПОЛУХИН

МЫ НЕ узнавали города. Пятиэтажные дома там, где были глинобитные мазанки. Вполне современный кинотеатр вместо площадки, окруженной зелеными холмами, и скамеек, врытых в землю. Гладкий, словно бы полированный асфальт, укрывший дороги, над которыми даже по ночам висела истолченная, взбитая до невесомости пыль... И вдруг за поворотом открылось зданьице нашей ДЭС, дизельной электростанции — первое более или менее солидное предприятие в Нуреке, которое мы когда-то строили своими руками. Волнуясь, мы выскочили из машины и вбежали в ворота. Стоят, стоят наши фундаменты! Больше того: дизеля уже отработали свое, на их месте смонтировали компрессоры, которые дают сжатый воздух горнякам, а в бетоне — нашем бетоне! — хоть бы одна трещинка!

Работать здесь бетонщиками, когда все только еще начиналось, и не приехать теперь, когда вот-вот перекроют Вахш?

Но, увы, встреча со старенькой ДЭС, пожалуй, была единственной радостью за эту поездку.

Между тем праздничного в Нуреке в эти дни было много: толпы приезжих, не корпус даже, а целая армия журналистов, митинги, пресс-конференции, специальные значки участникам перекрытия, пригласительные билеты, похожие на проспекты международных выставок... Перекрытия в Братске или, например, в Красноярске обставлялись, пожалуй, менее торжественно.

Было все... Не было только одного — самого перекрытия.

Тут я должен рассказать о нескольких технических деталях.

Вахш — река необычная. В межень расход воды составляет всего 200—300 кубометров в секунду. Но как только начинают таять на Памире снега, цифра эта возрастает до 4 000 кубометров. Сейчас еще можно было пропустить реку и в один тоннель, пробитый вдоль русла Вахша, сквозь гору. Но через месяц сделать это было бы уже невозможно.

Строители успели только с одним тоннелем. Второй готов был едва ли на две трети, причем было ясно заранее: с двумя к этой весне не успеть. И все же к перекрытию готовились. Первый срок намечался еще к 7 ноября прошлого года. Потом — к 5 декабря, к новому году, к 23 февраля... Словом, ко всем праздникам. Каждый раз брались торжественные обязательства.

И вот опять не успели.

Вахш пустили по одному тоннелю. Вскоре он пойдет по старому руслу (а может быть, уже идет?), так что никаких работ в русле реки вести нельзя. Практического смысла в таком «полуперекрытии» не было. Пытаясь как-то оправдать его, начальник стройки К. В. Севенард на пресс-конференции заявил: во-первых, проектировщики хотят хотя бы месяц поработать в обнаженном русле, во-вторых, нельзя допустить, чтобы камни, бетониты, уложенные в перемычку, попали в тоннель. Поэтому надо взрывом отбросить их в сторону, в русло.

Но ведь проектировщики и без того пробурили с воды чуть не каждый квадратный метр речного дна. Не слишком ли дорогое удовольствие перекрывать Вахш ради сомнительной необходимости в дополнительных знаниях?

Второй довод строители блестяще опровергли сами. Они пробурили десятки глубинных шпуров, заложили в них колоссальное количество аммонита. Перемычка поднялась в воздух и... пошла не в ту сторону, наглухо запечатав входной портал тоннеля. Тогда сюда подвели драглайн, несколько бульдозеров, прокопали небольшую канавку, остальное доделал Вахш: река вместе с камнями пошла через тоннель, не причинив ему никакого вреда. Иными словами, сделано было то, что и надо было сделать, только без дорогостоящих взрывов и шумных торжеств.

Было одно обстоятельство, которое и послужило причиной спешки. К сожалению, о нем на пресс-конференциях умалчивалось.

Дело в том, что, готовясь этой зимой к большому перекрытию, строители давно уже начали сужать русло реки. Они сбросили в воду тысячи кубометров камня, затратив на это свыше полутора миллионов рублей. Поэтому-то и нужно было срочно пустить Вахш в тоннель. Иначе река, предоставленная самой себе, через месяц попросту слизнула бы эти полтора миллиона.

Но была, как мне кажется, и другая причина. Ну как же! Обязательства, срыв одного срока за другим, покачнувшиеся авторитеты, которым, ох, как не хочется качаться!..

Однако слишком легко было бы во всем обвинить К. В. Севенарда. Дело тут, думается, не только в его качествах руководителя. В своем докладе на XXIII съезде КПСС о новом пятилетнем плане А. Н. Косыгин говорил о необходимости более эффективно использовать средства в строительстве, не распылять капитальные вложения по большому числу объектов, о том, что многие стройки мы начинаем без готовых проектов, без достаточных средств, без серьезного технико-экономического обоснования. Наступая, мы забываем о заблаговременной подготовке тылов к наступлению.

Негодная эта практика, к сожалению, довольно застарелая болезнь нашего планирования, хозяйствования.

ВТОРОЙ десяток лет езжу я по строящимся гидростанциям. Поездки эти всегда волнующи: воочию еще и еще раз убеждаешься в грандиозности нашего гидростроительства, его огромной роли в развитии производительных сил страны, его бесспорных достижениях: на каждом шагу встречаешь примеры трудового подвижничества, знакомишься с людьми смелой мысли и трезвого расчета. Да что там много говорить: нашим гидростроителям есть чем гордиться!

Но вот что бросается в глаза и что заставляет задуматься: первые свои годы чуть ли не любая стройка не живет, а мается, пробавляясь впроголодь.

Вспоминаю Братск 1956—1958 годов (тогда я работал там). Все это время спорили: какой стройке отдать предпочтение, Братской или Красноярской. Почему-то, еще не решив этого, начали обе стройки сразу. А денег на обе не было. Борьба сторонников той и другой ГЭС была упорной и шла, как говорится, с переменным успехом. Несколько раз прокатывались небезосновательные слухи: «Братск консервируют!» Работы свертывались, люди, не солоно хлебнувши, уезжали с берегов Ангары. Потом побеждали братчане, и стройка начинала разворачиваться заново. В конце концов дело решила предприимчивость братчан: без достаточной подготовки, вопреки запрещениям главка, руководители «Братскгэсстроя» начали работы в русле Ангары. Тогда уже красноярцы на несколько лет оказались отброшенными назад...

То же самое примерно происходит на Усть-Илимской ГЭС. Об этом недавно рассказала в своем письме в «Комсомольскую правду» группа работников этой стройки. Характерен ответ на письмо главного инженера «Главвостокэнергостроя» И. Л. Сапира: «Будем разбираться. Пока все складывается нормально... Стройка только начинается, а начало никогда не бывает гладким».

А почему бы, собственно, ему не быть «гладким»?

Тут уже сказывается многолетняя привычка к «нормальным» ненормальностям.

Когда начали строительство Вилюйской ГЭС, его финансирование шло по одному каналу, а подсобных предприятий, жилья — по другим. Получалось так: деньги есть, а строить не из чего. Нужно было несколько лет поистине героических усилий строителей, чтобы эта стройка из убыточной стала самой рентабельной в Союзе.

Сходную картину наблюдал я и в Нуреке. В те годы, когда я работал там бетонщиком, над стройкой тоже нависала опасность консервации. Бывший ее начальник, чтобы спасти свое любимое детище, перелопатил, в общем-то без пользы, с места на место целые горы земли. Лозунг «вбить больше денег в землю, чтоб нас не законсервировали!» — оправдался. Но и по сей день — а ведь прошло уже пять лет! — нет на этой стройке утвержденного технического проекта, до сих пор дебатируется несколько вариантов плотины ГЭС, до сих пор коллективу дают меньше средств, чем он мог бы освоить...

Не сделаю никакого открытия, если скажу, что только из-за неправильного, неумелого планирования, неупорядоченного финансирования сроки строительства гидростанций в нашей стране растягиваются и в основном — за счет начального периода.

Я не экономист. И мне трудно подсчитать многие-многие миллионы рублей, которые таким вот образом замораживаются на годы. Но, по-моему, такая практика хозяйствования приносит еще больший моральный ущерб.

Я вспоминаю давний разговор с одним из руководителей строительства Иркутской ГЭС.

— Приехал я на пустое место, — рассказывал он. — Конец года, финансирование еще не открыто. На счету ни рубля, ни одного рабочего, ни одного кирпича, ни одной машины. В кармане лишь копия постановления о начале стройки. А через пару месяцев у меня пилорама крутится, поселочек стоит, со всех концов области ко мне гонят механизмы, рабочих. Как? Откуда? За какие шиши? Сам не знаю!..

Прошло некоторое время, и его уволили «по собственному желанию». Уезжая, он жаловался мне:

— Все, кто начинает стройку, как правило, ее не кончают. Поначалу всегда неразбериха, аврал, план не выполняется. Это все понимают. Но виновного-то нужно найти? Вот и я по профессии — заведомая жертва. Я всегда только начинаю стройки и никогда их не кончал...

Слушая эту жалостливую исповедь, трудно было отделаться от мысли, что негодное планирование толкает порой руководителей на довольно рискованные авантюры.

Подобное планирование рождает сложные коллизии на начинающейся стройке.

В Нуреке был у нас прорабом Толя Тутынин, славный парень, впоследствии трагически погибший. Мы строили тогда тот самый летний кинотеатр. Нам нужны гвозди, а их нет. Нам нужны хотя бы молотки, в приходилось орудовать речными голышами. Ох, как же мы поносили своего прораба! Какое нам в конце концов дело до того, что на стройке вообще не хватает материалов, — Тутынин наш начальник, и он нас всем должен обеспечить!

И вот однажды Толя притащил на площадку ящик гвоздей. Только в эту поездку я узнал случайно, как он его добыл. Поехал с приятелем по каким-то своим делам в соседний кишлак и там в хозяйственном магазине увидел гвозди. Они выгребли из карманов все деньги, какие были с собой, и скупили эти гвозди. К слову сказать, бухгалтерия даже не оплатила Толе эти расходы. Но тогда-то мы этого не знали. И накинулись на прораба с еще большей злостью: это что, насмешка? Ящик, когда нам надо минимум три! А где инструмент?..

Виноват ли был Тутынин? Конечно, нет. Но были правы и мы, рабочие. У большинства из нас семьи. И нам не только не хотелось работать плохо, нам еще нужно было кормить эти семьи. А много ли заработаешь с камнем в руках вместо молотка!

Это случай, можно сказать, из ряда вон выходящий. Но надо реально представить себе ту обстановку, какая складывается в начале почти любой стройки.

Гидростроители, как правило, никогда не уходят на другие предприятия. Со своим скарбом, женами, детьми ездят они по всем рекам страны. А происходит это так. В газетах появляются сообщения о начале какой-то стройки. По официальным вызовам, по письмам товарищей, а чаще сами по себе тысячи людей подымаются с места, а за ними едут все новые и новые. Занять всех их действительно производительной работой пока невозможно — у стройки ограниченный финансовый план. Не принимать вовсе? Ни один начальник строительства на это не решится, потому что он знает: через некоторое время ему понадобятся люди, много людей. Да и как не принять человека, который со всей семьей, часто на последние деньги приехал за тысячи километров! И вот первое время, а оно иногда растягивается на годы, бригады вынуждены работать в полсилы. А значит, низкие заработки. А значит, неизбежные поиски левого заработка, всяческие «намазки», «нашлепки», — как только еще не называют злополучные приписки!

Так, казалось бы, проблемы этические на самом деле становятся экономическими. Да и есть ли они вообще, эти «чисто этические» проблемы?

Маленький пример. Из двух бригад, из сорока рабочих, которых я знал близко, остался сейчас в Нуреке лишь один-единственный человек. Остальные разъехались кто куда. А ведь все они без исключения мечтали довести стройку до конца.

Обидно это!

Об ошибках и просчетах планирующих организаций много говорилось на прошедшем XXIII съезде нашей партии. Теперь они решительно устраняются. Мне же хотелось напомнить лишь об одном: каждая такая ошибка приносит не только потерянные миллионы рублей, невыбранные тысячи кубометров земли, но и убытки моральные, исчислить которые, наверное, еще труднее.

НУРЕК

Вулканологи

Фото Г. Копосова

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

памятников В. И. Ленину, установленных в нашей стране и за рубежом. Эта коллекция во многом облегчила мою работу.

В далекой Махачкале нашел я наборщика А. Горшкова, сделавшего из тысяч типографических линеек разных размеров уникальный, единственный в мире портрет вождя. Этот труд продолжался около года. Ну как не снять перед таким человеком шапку?

...В Москве, недалеко от Ленинградского вокзала, во дворе паровозных и вагонных мастерских локомотивного депо Октябрьской железной дороги Московского железнодорожного узла, стоит скромный памятник Ильичу, воздвигнутый 5 ноября 1925 года. На его изготовление понадобились денежные средства. А где их взять? Решено было несколько месяцев подряд проводить субботники по ремонту паровозов и вагонов, собирать и сдавать металлический лом и на сэкономленные таким образом деньги сделать памятник. Но денег хватило только на статую. А ведь еще необходим был постамент. Его во внеурочное время сделала группа слесарей из кусков железа, частей паровозов и вагонов, из колесных пар, поставленных прямо на рельсы.

— Он всегда будет с нами, — сказали рабочие в день открытия этого необычного памятника.

К сожалению, история не донесла до наших дней имена тех, кто предложил сделать этот памятник, кто участвовал в работе по его изготовлению.

— Напишите, что он просто сделан руками рабочих мастерских 5-го участка тяги Октябрьской железной дороги, — сказали мне в депо.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ музее Ленина хранится скульптурный портрет вождя революции, мастерски высеченный из огромной глыбы каменного угля. На нем можно прочитать слова: «Ты всегда будешь жить в умах и сердцах сотен тысяч шахтеров Донбасса». Долгое время имя автора скульптурного портрета не было известно, никто не знал о его судьбе. Я искал его несколько лет. Параллельно со мною предприняли поиски сотрудники Центрального музея В. И. Ленина.

Совершенно случайно в одном из январских номеров газеты «Известий» за 1924 год была найдена заметка, где говорилось, что на Макарьевском руднике в Донбассе сделана скульптура Ильича из глыбы каменного угля. На старом Макарьевском руднике я нашел людей, которые вспомнили те далекие годы. Особенно много интересного рассказал мне старый шахтер К. А. Пушкарев. От него я узнал имя автора памятника. Им был шахтер Николай Иванович Патраболов.

— В 1924 году он уехал учиться в Москву, — сказал Пушкарев, — больше мы о нем ничего не слышали.

В Москве проживает довольно много Патраболовых. И все же я нашел того единственного, кто мне был нужен. Он живет в маленьком домике на Тимирязевской улице. Во время Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. За мужество и отвагу награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». На фронте вступил в Коммунистическую партию.

Сейчас коммунист Н. И. Патраболов на пенсии, занимается любимым делом — рисует, лепит, вырубает из дерева и угля.

ОДИН за другим открывались памятники Ленину, созданные народом. Их было много, но ведь существует где-то на земле особенно дорогой для нас памятник Ильичу — самый первый. Об этом не знали тридцать лет. Были подняты сотни документов, опрошены десятки свидетелей, изучены тысячи фотографий, сотни метров кинопленки. Перебирая листки блокнота, я наткнулся на слово «Глуховка» и вспомнил разговор с местными текстильщиками. Первый в мире памятник В. И. Ленину, который искали 30 лет, нашел я в Глуховке, в двух часах езды на электропоезде от Москвы. Он стоит в сквере перед огромными корпусами Глуховского хлопчатобумажного комбината имени В. И. Ленина. Открыт 22 января 1924 года. Сделал его простой рабочий, маляр Федор Петрович Кузнецов. Об истории создания этого монумента рассказали мне двое оставшихся в живых старейших работников комбината — Клавдия Ивановна Гусева и Иван Николаевич Воронцов.

В 1923 году Владимир Ильич Ленин был тяжело болен и жил в Горках под Москвой. 2 ноября его навестила маленькая делегация глуховских текстильщиков, среди которых были Гусева и Воронцов. Глуховцы привезли в подарок 18 саженцев вишневых деревьев и посадили их перед окнами кабинета Ленина. Ленин часто тепло вспоминал об этой встрече.

Вернувшись в родную Глуховку, делегаты отчитались о своей поездке, дали слово, что комбинат будет передовым предприятием в стране. И тогда было решено соорудить скульптуру В. И. Ленина и поставить ее перед входом на комбинат. Это ответственное дело поручили художнику-самоучке Ф. П. Кузнецову. Он сумел за два месяца сделать монумент из железобетона.

Торжественное открытие его было назначено на утро 22 января. В часы открытия люди узнали о неожиданной кончине любимого вождя и учителя, и вместо скульптуры пришлось открывать памятник.

Так был открыт первый в мире памятник В. И. Ленину.

...С тех пор прошло сорок лет. Не узнать теперь старой Глуховки, той самой, которой прежде и на карте-то не было. Новый красивый город с каждым годом растет, раздвигает свои границы. Выполнили свою клятву глуховские текстильщики. Недаром Глуховский комбинат награжден орденом Ленина. По-ленински, самоотверженно работают здесь люди.

Широко раскинулись ветви могучих деревьев у памятника В. И. Ленину в Глуховке. Ранней весной в Горках под теплыми лучами солнца буйно цветут старые вишни. А рядом шелестят листвою молодые вишенки, которые высаживают каждый год приезжающие сюда рабочие комбината и пионеры школы № 5 гор. Ногинска.

Они высаживают саженцы рядом с деревьями, которые посадили их отцы и деды.

ПИСЬМА

ВОЗДУХ ЯЛТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧИСТЫМ!

Письмо это продиктовано тревогой. Речь пойдет о Ялте — одном из лучших курортов нашей страны.

В Ялте, как и на других наших курортах, за последние годы построено немало отличных комфортабельных санаториев, располагающих квалифицированным штатом врачей и современным оборудованием. Все больше и больше отдыхающих и больных проводят свой отдых и лечение в «жемчужине Крыма». Все это, конечно, радует. Тревожит же нас то, что существует реальная опасность загрязнения удивительно целебного ялтинского воздуха.

Надо ли говорить, что воздух Ялты — один из решающих лечебных факторов этого черноморского курорта. Именно поэтому Ялта превратилась в «мекку» легочных больных, именно поэтому ищут и находят здесь исцеление больные бронхиальной астмой, хронической пневмонией, туберкулезом, эмфиземой и пневмосклерозом легких.

Вряд ли этого не понимает и Ялтинский горсовет. Но если понимает, то как же можно было допустить, чтобы небо над Ялтой отравлял дым битумного завода, чтобы рядом с детским санаторием, в районе водопада Учан-Су, была устроена огромная городская свалка, где непрерывно сжигаются всякие отбросы. Наконец, разумно ли, чтобы, кроме троллейбусов, по улицам Ялты ходили автобусы, наполняя улицы шумом и бензиновой гарью?

Все эти факты вряд ли нуждаются в подробных комментариях. Ясно одно: нужно принять безотлагательные меры, чтобы спасти воздух красавицы Ялты — города, в котором люди должны прежде всего отдыхать и лечиться.

М. ЖАРОВ, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, Р. ПЛЯТТ, народный артист СССР, В. ЯКУТ, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, Л. ГАЛЛИС, народный артист РСФСР, И. СОЛОВЬЕВ, народный артист РСФСР, В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ, главный режиссер Театра имени М. Н. Ермоловой.

ПОСЛЕ СТАТЬИ

«СТУК ДА БРЯК»

12 апреля в «Литературной газете» уже было опубликовано решение бюро Курганского обкома КПСС, обсудившего напечатанную 3 февраля статью писательницы Елены Ржевской «Стук да бряк», в которой рассказывалось о фактах нарушения социалистической законности и травле корректора Куртамышской районной газеты «За изобилие» Нины Астафьевой. Бюро обкома партии признало указанные в статье факты правильными и наказало виновных.

На днях редакцией получено письмо заместителя председателя Верховного суда РСФСР А. Орлова. В нем сообщается: Верховным судом РСФСР с выездом на место проверены упомянутые в статье «Стук да бряк» факты, касающиеся судебных работников Курганской области. Установлено, что при рассмотрении дела по иску Н. А. Астафьевой к редакции Куртамышской районной газеты «За изобилие» народным судьей Мишкинского района А. М. Волковой действительно допущены нарушения закона. Материалы проверки обсуждены на заседании президиума Курганского облсуда, который указал А. М. Волковой на допущенные ошибки и потребовал строгого соблюдения законов в дальнейшей работе.

Председателю Курганского облсуда И. А. Шерстневу предложено принять меры, исключающие повторение подобных фактов в деятельности судебных органов области.

поздравляем юбиляра

Л. А. Кудреватых — 60 лет

Исполнилось 60 лет Леониду Александровичу Кудреватых, видному очеркисту, прозаику, автору книг «За годом год», «Страницы жизни», «Мои современники».

Секретариат правления Союза писателей РСФСР направил юбиляру приветственную телеграмму, в которой говорится: «От всей души поздравляем Вас, дорогой Леонид Александрович, одного из ведущих советских очеркистов, с днем 60-летия. Желаем Вам доброго здоровья, многих лет плодотворной деятельности, больших творческих свершений и удач. Желаем и впредь находиться в первых рядах нашей литературной армии».

«Литературная газета» от души поздравляет Л. А. Кудреватых.

Георгий ГУЛИА

«ЗАУРЯДНАЯ» ИСТОРИЯ

ЖИЛ-БЫЛ врач. Опытный. Начальство уважало его. За энергию и этот самый опыт. Потом начальство охладело к нему. И врач, в свою очередь, охладел к курортному начальству. Вышестоящее начальство приняло мудрое решение, и, как говорится, врач разошелся красиво с нелюбимым курортным начальством. Или, наоборот, курортное начальство разошлось с врачом. Врачу была предоставлена другая, менее ответственная, но не менее оплачиваемая работа. Впрочем, так же, как и курортному начальству. И делу конец...

Разве плохой конец? И что тут особенного?

Действительно, эта всамделишная история в самом сжатом изложении выглядит именно так. А теперь попробуем «развернуть» ее до нормального состояния и посмотрим, что скрывается за формулировкой «разошлись красиво».

ДЕЙСТВИЕ происходило в Кисловодске.

В чудесном санатории имени Орджоникидзе главным врачом работал Владимир Семенович Хомутов, окончивший в Азербайджане два института — физкультурный и медицинский.

Как, на ваш взгляд, можно ли с такими знаниями работать главным врачом? Вы скажете: надо иметь еще и административную жилку, и опыт, и все такое прочее. Верно! Так вот: и это самое, и все такое прочее было налицо.

Любой, кто бывал в санатории имени Орджоникидзе, неизменно подтверждал: прекрасный, образцовый, здесь очень внимательны к людям. И мне пришлось отдыхать в этом санатории. Могу присоединиться к вышесказанному: первоклассный санаторий работал отлично, как часовой механизм.

Его главный врач поражал своей энергией. И не только. Знанием дела тоже. Обходительностью. И радушием.

Таково было мнение «больных».

Ну а курортное начальство? Оно тоже было довольно. В лице курортного совета. И его председателя. Надо отдать справедливость — свою благосклонность к Хомутову председатель проявлял горячо, без стеснения, отмечал работу главного врача грамотами, благодарностью, денежными премиями. Санаторий объявили базовым. Утвердилось даже название — «здравница-маяк». Хомутова избирали депутатом в городской Совет.

Но, как говорится, не ошибается тот, кто не работает. За различного рода хозяйственные упущения Хомутов получал взыскания. Надо полагать, справедливые. За четырнадцать лет работы в качестве главного врача санаториев, кроме пышек, бывали, разумеется, и шишки. И Хомутов не сетовал: жизнь есть жизнь! И она была, с точки зрения и начальства, и подчиненного, идиллической. Или почти идиллической.

Но счастье никогда не бывает ни полным, ни безоблачным. То же самое и здесь, в нашей истории.

Давайте погадаем: когда же пробежала кошка? Ведь она действительно пробежала между Хомутовым и председателем курортного совета.

ПО моим личным наблюдениям, тогда, когда стали разбазаривать... простите, перераспределять ценности между санаториями после их объединения под эгидой курортного совета, после ликвидации так называемых ведомственных здравниц. Из санатория имени Орджоникидзе стали вывозить то ковровые дорожки, то текинские ковры, то мебель. И многих автомашин лишился санаторий.

Может, это было и хорошо, а может, и плохо. Не мне судить, хотя я думаю, что это было не очень хорошо. Хомутов ворчал. Возражал. Правда, не всегда. Но эти операции несколько омрачили взаимоотношения с начальством. Было бы странно, если бы все обстояло совершенно иначе. Но, как говорится, трудности были преодолены. Не без усилий с обеих сторон. И все-таки согласитесь — каким бы клеем не ремонтировали треснувший сосуд, изъян останется. Так и здесь: осадок остался. Он осел и в душе подчиненного, и в душе курортного начальства.

Но дальше — хуже.

Порою бывает — приехал человек в Кисловодск. А путевки у него нет. Если можно продать ему путевку на месте, то почему бы не продать? Это вполне логично, тем более, если имеются в санаториях свободные места.

Но с некоторых пор стали требовать от Хомутова невозможного — приема «больных» сверх всякой нормы. Он это терпел до поры до времени, а потом взорвался. (Кстати, зря он терпел.)

— Ах, так? — начальство тоже ударилось в амбицию.

Оно стало жать, а Хомутов артачиться. Ведь всему есть предел!

В данном случае Хомутов был прав, а курортное начальство в лице председателя курортного совета Баранова — нет.

Постепенно, но верно Хомутов из «образцового» превращается в «среднего», потом — в «посредственного» и наконец — в «негодного» руководителя. На самом деле он ни во что не превращался. Хомутов по-прежнему был энергичен, деловит, санаторием руководил хорошо. Но в глазах председателя курортного совета он был уже не тот.

Вот и зачастила к нему ревизия. Ищут, ищут что-то. Потом снова ищут... Председатель курортного совета трактует акты ревизии, мягко выражаясь, несколько субъективно. Там, где сказано «недостаточно», интерпретируется как «неудовлетворительно», «слабо» — как «из рук вон плохо».

Когда Хомутов возмущался, доморощенные философы советовали ему:

— Не ярись! Терпи! Не лезь поперек!

А Хомутов все поперек! Сказать по правде, иногда принципиально, а иногда по пустякам. К сожалению, так бывает, когда несправедливо придираются. Проще всего рекомендовать «сохранять хладнокровие», «не трепать себе и другим нервы», «ждать и надеяться». Такие советы давать легче, чем выполнять их. Я это знаю по собственному опыту.

ИТАК, что же мы в конце концов получили?

Налицо две стороны, недовольные друг другом, — Хомутов и его курортное начальство. Будь судьей в этом деле любой непредубежденный человек, рассудил бы примерно так:

— Товарищи, дело, значит, довольно заурядное. Хомутов явно пришелся не ко двору. Был образцовым, а теперь в глазах курортного начальства стал отстающим, нежелательным. На дипломатическом языке — это персона нон грата. А по существу, так сказать, почему «нон грата»? Потому, что в чем-то возразил? Но ведь он это делал по справедливости! Что было бы, если бы он выполнял все указания курортного начальства?

Мы-то знаем, как бы обернулась вся эта история: Хомутов сидел бы на своем месте. Преуспевая. Он мог бы и хуже работать, меньше уделять внимания санаторию и так далее.

А тут такая незадача с начальством. Стал плохим. В горкоме партии на него начали коситься. И в один прекрасный день...

Этот «прекрасный день» оказался февральским 1964 года. Хомутова вызвали на бюро горкома. Он не смог явиться. По самой простой причине: случился с ним инфаркт.

И что бы вы думали? Решили обсуждать «дело» Хомутова заочно. Никаких проволочек! Почему же, собственно говоря, такая спешка? Разбегаются больные из санатория? Сыплются на Хомутова жалобы? Ничего подобного! Просто начальству не терпелось. До смерти не терпелось!

И вот выносится явно несправедливое решение, которое оформлено распоряжением курортного совета: «Хомутова полагать больным...» (Что верно, то верно!) «И. о. главного врача назначить...» (И это справедливо: человек болен, на его место назначается и. о.)... Но авторов распоряжения явно бросало в жар. Чем иначе объяснить следующее: «и. о. назначить в порядке перевода из санатория имени Кирова такого-то», «по приему и сдаче санатория имени Орджоникидзе назначить бухгалтера...»

— Позвольте, — скажете вы, — а при чем прием-сдача?

И я тоже повторяю вслед за вами:

— При чем тут прием и сдача?

А при том, что Хомутова фактически сняли, а крючкотворы нашли «формулировочку». Лазейку в законе, запрещающем снимать человека, во-первых, заочно, а во-вторых, во время болезни, к тому же весьма тяжкой.

Выздоровев, Хомутов пишет жалобы. Ими занимаются московские организации. Но тщетно. Врач с двумя специальностями, «человек на своем месте», работник энергичный, уважаемый в городе, не мог найти защиты.

В Кисловодске пошли на все: устроили Хомутова так, что заработная плата его даже повысилась, а заботы уменьшились, времени свободного стало до черта. Работа не такая уж трудная, в народе именуемая весьма метко: «не бей лежачего». Чего еще желать Хомутову? Просто благодать!..

И вот прошло время. Бывшего начальства в Кисловодске уже нет. И не только председателя курортного совета. Мудрые люди заключают:

— Потерпел бы Владимир Семенович — все бы обошлось. Новое руководство города справедливое. В обиду его не дало бы.

Насчет терпеливости я согласен. Терпение — вещь полезная. Особенно в делах государственных, общественных. Я считаю, что именно товарищу вышестоящему и надо было проявить это качество. Прежде всего ему!

Что же в итоге?

На много лет раньше срока способный, энергичный человек выведен из строя.

ИСТОРИЯ, о которой я рассказал, окончена. Так или иначе она принадлежит прошлому. Но я думаю о другом.

Как правило, иметь дело с талантливым подчиненным труднее, нежели с бесталанным. Способный человек не смотрит тебе в рот, не спрашивает: «Чего изволите?» У способного — своя голова, как ни странно, свои мысли. Он может и поспорить с тобой, может в чем-то не согласиться, внести свои коррективы. И это у нас норма. Мы, советские люди, воспитаны в духе коллективизма, уважения к чужому мнению. Мы вырабатываем — именно вырабатываем — мнение по тому или иному важному вопросу сообща. Сообща — значит с учетом различных мнений. Делая одно всенародное дело. Служа нашему социалистическому государству. И это не только в большом, но и в малом.

А теперь я спрашиваю: что, история с В. Хомутовым уникальная? Единственная в своем роде? Какая-нибудь особенная? Мне бы лично хотелось, чтобы это было именно так. Но в том-то и беда, что вся эта история — заурядная. Зловещий характер ее заключается в том, что она на первый взгляд локальная, со счастливым концом. Когда отсутствует явное материальное ущемление, а душевные издержки из-за этого кажутся малосущественными. Между тем они есть! Человек — не дерево, раны его долго не заживают, обиды остаются на многие годы.

Боюсь слыть безнадежно банальным, но хочется завершить рассказ простым предложением:

— Давайте беречь людей способных, проявлять по отношению к ним терпеливость, терпимость.

...Итак, жил-был врач. Опытный... И так далее... (См. начало).

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ — ОБОЗРЕНИЕ — ВОСПОМИНАНИЯ — СТИХИ

ПОЛЕМИКА

О ПОЭЗИИ, КРИТИКЕ И ЦИТАТАХ

К. ВАНШЕНКИН

КАК известно, минус, помноженный на минус, дает плюс. Но это в математике. А у поэзии свои законы.

Поэт Александр Уваров написал о советской женщине:

> В платье некричащее одета...

Здесь тоже — «минус на минус»: самое слово «кричащее» по смыслу окрашено отрицательно (плохо носить «кричащие» платья) и еще прямое отрицание — «не». Но странное дело, совершенно подсознательно после стихов остается впечатление, что на женщине было как раз что-то «кричащее», яркое.

У Хлебникова сказано:

> И навзничь падает нестонущий
> казак..,

А нам запоминается, что казак стонал.

Вероятно, есть такой закон обратного действия, что ли. Отрицание чего-то, в данном случае несуществующего, приводит к тому, что оно начинает существовать, как бы мстя художнику и смеясь над ним.

ПОЭЗИЯ — прежде всего естественность, непосредственность, органичность, но поэт должен иногда и умышленно, заведомо, нарочито вторгаться в новые и опасные для него области, рисковать, как летчик-испытатель специально бросает машину в штопор, чтобы открыть новое в этом явлении (чего обычный летчик всячески избегает). В этом смысле совершенно бесстрашен Есенин:

> Я нарочно иду нечесаным,
> С головой, как керосиновая лампа,
> на плечах.

Вообще же новаторство присутствует у настоящего поэта всегда, везде, в каждом стихотворении, строфе, строке. Иначе — нет искусства.

Как это ни парадоксально, приход в последние годы Пастернака и Заболоцкого к ясному и прозрачнейшему стиху был для них новаторством.

У каждого поэта, как бы велик он ни был, есть более и менее удачные строки, встречаются и совсем неудачные. У больших поэтов обязательно есть строки, которые другие поэты желали бы видеть своими. Но бывают такие строки и образы, которые хороши лишь у определенных, именно у этих поэтов, а у других совершенно невозможны.

С. Есенин:

> Я по первому снегу бреду,
> В сердце ландыши вспыхнувших
> сил.

Мне очень нравятся эти стихи. Первая задумчивая строка вообще великолепна. Но вторая, допускаю, может смутить. Снег — и вдруг ландыши? Да, но что-то есть общее у первого снега и странного лесного цветка — в их трогательности, неожиданности, может быть, даже запахе. Но «ландыши... сил»? Да еще «вспыхнувших сил»? Да еще «в сердце»?

Вот это и есть чудо поэзии. У всякого другого эта строка была бы невозможна, мы бы видели в ней нарочитость, недостаточность вкуса, а у Есенина она на месте и даже очень хороша. И это не потому, что на нас давит «авторитет» Есенина и мы, восхищенные, что-то «прощаем» ему. Нет, нет. Эта строка действительно хороша здесь: она очень есенинская, чистая, доверительная и именно неподдельная.

КАК-то один поэт похвалил при мне другого за рецензию на книгу стихов. Он сказал:

— Вы взяли для цитат все, что можно было взять. Больше ничего не осталось.

Я считаю, что это высокая и тонкая похвала.

Рецензия была, как у нас говорят, «положительная». В качестве примеров приводилось одно короткое стихотворение целиком, одна или две строфы и несколько строчек.

Автор рецензии безошибочно выбрал из целой книги те места, которые подтверждали его точку зрения. Стоило ему процитировать («положительно») что-нибудь еще, и эффект получился бы противоположный.

Сейчас, безусловно, вырос уровень статей и рецензий о поэзии, немало есть в этой области интересных суждений, наблюдений и оценок. Но без преувеличения скажем: беда некоторых критиков именно в неумении точно процитировать, в удивительной беспомощности их, когда они берутся «иллюстрировать мысль», «приводить примеры».

Читаешь иную статью — все хорошо и даже оригинально — о месте поэзии и о призвании поэта. Но вот критик начинает цитировать, и цитаты не только не укрепляют, но разрушают все его логические построения.

Вот серьезный критик В. Огнев, много лет пишущий о поэзии, разбирает строфу из «Искателей воды» Н. Тихонова:

> Они хотят вести ее далеко
> Через Мургаб, к Теджену, —
> оросить
> Все те пески, похожие на локоть,
> Который нужно все же укусить.

— Так же трудно провести воду через пески, — размышляет критик, — как, согласно поговорке, «укусить собственный локоть». Но надо сделать невозможное! Образ очень рельефный, смелый, метафорический смысл которого заставляет не считать слабой глагольную рифму **оросить — укусить**.

Ну, товарищи, Николай Тихонов — прекрасный поэт, и, слава богу, есть что у него похвалить, но, честное слово, трудно найти у Тихонова что-нибудь менее удачное, чем эта строфа: «Пески, похожие на локоть»! Да еще не просто локоть, а такой, «который нужно все же укусить»! Произнося эти слова, я чувствую, что у меня полон рот песку. Зрительно представить себе этот «очень рельефный» образ тоже невозможно. А в рифме «оросить — укусить» нет ничего страшного, и не стоило ее «оправдывать» таким образом.

А ведь критик хотел привести «положительный пример».

Мне нравится, как работает молодой поэт Олег Чухонцев, хотя я вижу и его недостатки, и первый из них — непреодоленная пастернаковская интонация, звучащая во многих стихах Чухонцева настолько свободно, насколько дозволено звучать ей лишь у самого Пастернака. Весьма уже опытный критик Ст. Рассадин пишет: «О. Чухонцев обладает удивительной для его возраста внутренней зрелостью и тем более удивительной потребностью строгой, даже жестокой самооценки. Его стихи чаще всего «несовременны» — по внешним признакам: в них нет модной разговорности, они бывают чуть ли не по-библейски торжественны («Когда верблюд пролез в игольное ушко — перебродил прогресс и зло в добро ушло»).

Ничего не имею против самой оценки поэта — это дело критика, если она и завышена, тоже беды особой нет. Но она **должна быть мотивирована**. Приводимая же цитата не выполняет этой роли. Я переведу строфу в нормальный столбик:

> Когда верблюд пролез
> В игольное ушко —
> Перебродил прогресс
> И зло в добро ушло.

Помилуйте, какая же здесь библейская торжественность? Строфа эта слишком рационалистична и суха, чтобы убедить нас в мнении критика. Дурного в ней ничего нет, но остается впечатление случайности, необязательности, неточности цитирования именно ее.

Это высокое искусство — умение процитировать абсолютно точно, безошибочно. В цитировании стихов, как ни в чем ином, критик может проявить изящество и безупречность вкуса. Но цитирование иное может выдать его с головой. Цитирование стиха в рецензии или статье — ответственный момент, решающий шаг, характеризующий критика. И опытный читатель, раскрыв газету или журнал, первым делом схватывает в рецензии именно стихи. Нельзя забывать об этом.

НО если критики еще не умеют цитировать безошибочно, предельно убедительно, то иногда создается впечатление, что они к этому особенно и не стремятся.

Несколько лет назад критик М. Лобанов опубликовал рецензию на сборник моих стихов «Волны». Критик писал:

«Мы узнаем в нем (в сборнике) о чрезвычайно унылых, томительно-зевотных буднях лирического героя:

> Сижу утрами с чашкой синей
> И носом чуть клюю.
> Промчались праздники. Отныне
> Жизнь входит в колею
> («Будни»).

— Эта бездеятельность, — писал критик, — может вызвать у нас соболезнование. Но самое прискорбное, на наш взгляд, то, что поэт считает нужным писать и печатать о ничем не примечательных буднях ничем не примечательные стихи. Дело ли поэзии расписывать борение личности с зевотными судорогами, чаепитие, охоту за молью и прочее?..»

Разумеется, право критика — оценивать то или иное произведение, как он считает нужным. «Но самое прискорбное», выражаясь его словами, в другом, а именно в том, что критик выхватывает только те строки, на которых он может построить свои рассуждения, и делает вид, что других не существует.

Ведь если бы он процитировал дальше:

> В свои права вступили будни,
> И нам вперед идти,
> И день размерен, как на судне,
> Что много дней в пути.

и еще дальше:

> Но что-то есть в таком укладе,
> Что силы придает.
> По этой кажущейся глади
> Плыву не первый год.
> Идет корабль. Воды круженье.
> Просторов широта
> И неуклонное движенье
> Рабочего винта.

Ведь если бы он процитировал и это, его обвинения не были бы уже столь вески и значительны, а попросту говоря, они отпали бы автоматически.

Такие вещи меня удивляют. На кого это рассчитано? Только на тех, кто не читал стихов! И тут возникает вопрос: а дочитал ли их критик? Или он ограничился только первой строфой?

У Маяковского сказано: «Я хотел бы жить и умереть в Париже...». Но ведь нельзя же остановиться здесь и сделать вид, что нет строки последующей: «...если б не было такой земли — Москва».

М. Лобанов написал обо мне довольно давно, и я мог бы считать это ошибкой молодости и неопытности, если бы он не перепечатал эту рецензию через несколько лет в своей книжке. Дело здесь, понятно, не в Лобанове и не в авторе этих строк, а в недопустимости самого явления, с которым так или иначе горько сталкивались многие мои коллеги. Может быть, напоминание об этом прискорбном факте остережет некоторых критиков от подобных выступлений в адрес молодых поэтов. Вот почему такие вещи спускать нельзя.

Еще Пушкин говорил: «Писатели, известные у нас под именем аристократов, ввели обыкновение, весьма вредное литературе: не отвечать на критики. Редко кто из них отзовется и подаст голос, и то не за себя. Что же это в самом деле?..». И там же: «...не прогневайся — какова компания, таков и разговор; если на улице шалун швырнет в тебя грязью, то смешно тебе вызывать его биться на шпагах, а не поколотить его просто».

НАША поэзия сильна и разнообразна.

Стыдно писать плохо. Еще живы люди, знавшие Есенина, Маяковского, Багрицкого, даже Блока. Сами мы жили рядом с Пастернаком, Ахматовой, Заболоцким, Светловым, Чиковани. И сейчас у нас замечательные современники — Твардовский, Мартынов, Кулиев, Смеляков и еще многие другие почти не уступающие названным. И еще многие, что поддерживают высокий уровень поэзии, следя постоянно за работой друг друга, — ведь все на виду. Побольше серьезности в работе и в оценках нашей работы!

Из лирических тетрадей

Медея КАХИДЗЕ

Восемь лет назад в январском номере «Литературной газеты» были помещены стихи молодой грузинской поэтессы Медеи Кахидзе и напутственное слово о ней Симона Чиковани. Замечательный мастер стихотворного слова высоко оценил талант Медеи Кахидзе, отмечая его лирическую силу, глубину и свежесть. За это время Медея Кахидзе выпустила в свет уже несколько сборников стихов. Дарование ее окрепло. Сегодня мы предлагаем вниманию читателя новые ее стихи.

⁂

Все равно мне было,
Все равно!..
Все равно, куда во время жатвы
Улетают иволги из гнезд?..
Для кого, на цыпочки поднявшись,
Превзойдя свой рост,
Встал подсолнух
В яркой желтой шапке?

Все равно мне было,
Все равно,
Почему мох прячется от света
В тьму
И почему,
Не желая выползать из темноты,
Ненавидит пестрые цветы,
Выросшие где-то?..

Все равно мне было,
Почему
Дерево тепло одето
Летом,
А мороз встречает
Неодетым,
Голым —
Ах, как холодно ему!..
Почему
Все в лесу осины
Поголовно,
Как одна,
Осинами зовутся?
Чья вина
В том, что каждой —
Ну, хотя бы устно, —
Имени не дали своего —
Отчего?

Все равно мне было,
Все равно,
Осень ли, зима
К нам в окна бьется?
Отчего лоза, творя вино,
Опьяняя всех,
Всегда сама
Трезвой остается?
А земля,
Что долго голодала,
Кормит нас плодами
До отвала?

Все равно мне было,
Что в лесу
Дуб упал —
Ну что ж, упал — и ладно...
Что дрожит росинка на весу,
Что земля — прохладна...
. . . .
А теперь —
За иволгой слежу,
Слышу звон и пенье,
Я дышу... Живу...
Я выхожу
Из оцепененья...

Целый мир — в тебе отныне —
Впредь
Деться некуда!
Мне теперь, пожалуй, умереть
Будет некогда!

Все с тобою связано
В одно —
Дело до всего мне!..
Что ж до остального —
Все равно,
Все равно мне!

Зов гор

Сижу у очага. Душа стареет,
И я — подобна полому сосуду.
Грущу по небу, где орлицы реют.
По синеве, что разлита повсюду.

Там — ветер с гор,
речушками нарезанных,
На склонах — снег, и зелень —
у подножья,
Ущелье, своей злобностью
известное,
Лучи, легко скользящие по коже.

Мне снится каменистый берег
Рошки,
Мой Иседи, в темных скалах
выбитый,
Который обманул меня немножко,
Но все ж совсем такой,
как в детстве, — вылитый!

И хоть я там не выдержала
долго бы,
Без устали мечтаю ночь и день я
Об облаках, томящихся
в безделье,
О дереве любом,
что так мне дорого,
Что по утрам на склонах
чертит тени.
Жизнь без тебя?
Нет радости нисколько!
Тону — хоть и за мох цепляюсь
скользкий...
Ты далеко. И сердце опустело.
И я — подобна полому сосуду...
Как я тоскую по вершинам белым.
По синеве, что разлита повсюду!

У каждого своя мечта

Среди живущих
под солнцем нет
Такого наверника,
По чьим небесам
Друг за другом вслед
Не ходили бы
Облака.

Под солнцем
всякие есть края, —
Назвать? —
потеряешь счет! —
Где равные реки текут,
Но моя
Арагви
Не течет!

У каждого есть
Свой дом и двор,
Думы свои
И мечты.
Мы — как деревья:
Не всякий — добр.
Не всякий дает цветы.

У каждого есть
Своя лоза,
У каждого —
Свой кувшин.
Каждый верит
Своим глазам
И мерит
На свой аршин.

Щебет птичий,
Гиены вой
Над спящей землей
плывет, —
Каждый в мире
На голос свой
Плачет
Или поет.

Уродлив.
Пригож ли —
Каждый готов
Красивым себя считать...
Не принесет нам земля
Плодов,
Если почкам
Выговориться не дать!

Среди живущих
под солнцем нет
Такого наверника,
По чьим небесам
Друг за другом вслед
Не ходили бы
Облака.
Живущих под солнцем —
Не перечесть!
Своя Арагви
У каждого есть!

Перевела
с грузинского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

ЭПИГРАММЫ

Александр РАСКИН

К ОТКРЫТИЮ МАГАЗИНОВ «ПОЭЗИЯ»

Магазинов нет полезнее!
Нет приятнее события!
Хорошо, кабы в поэзии
Чаще были бы открытия...

ОБ УСПЕХЕ НА ТРИБУНЕ

Хорошо ли поступает
Тот, кто много выступает?
Очень плохо поступает,
Если... плохо выступает.

РАДИО — ПОЭТУ

Он так на радио активен,
Что просто радиоактивен.

ПОЭТУ-ПРОЗАИКУ

Мой друг! Переходя на прозу,
Забудь хотя бы в прозе позу.

ПОЭТУ-КРИТИКУ

Не рубай на крошево,
Поступай толково:
Не ругай хорошего,
Не хвали плохого.

НЕТОИЗДАТЕЛЯМ

Почему, волшебники и маги
(Как хотел бы я ответ прочесть!),
Для отличной книги часто нет
бумаги,
Для плохой — бумага часто
есть?

ИЗ ЖИЗНИ ЛИРИКА

Под занавес своей программы
Наш лирик «выдал» эпиграммы...
Закономерно все в природе, и
Стихи его — давно пародии.

1 000 и 1 СТРАНИЦА

О романе много разговоров.
Кто кричит: «Ура!», а кто:
«На слом!»
Ф-фу!.. Прочел... Нет, автор —
не Суворов:
Не уменьем брал он, а числом.

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ

(авторам детективов)

И скучно, и грустно, и сразу
понятно...
Не деньги, так время, хотя бы,
обратно!

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА

Листая старые блокноты

Ильф и Петров на площади Согласия

Лев Славин

КОГДА мне случалось проходить через площадь Согласия, — со стороны ли Елисейских Полей, или из сада Тюильри, — я вспоминал Ильфа и Петрова...

Вот что они рассказали мне задолго до того, как я побывал в Париже. Говорил главным образом Женя Петров. А Иля лишь изредка вставлял замечания. Иногда, впрочем, они перебивали друг друга и даже спорили довольно запальчиво.

Я отлично помню этот разговор. Закрыв глаза, я и сейчас явственно слышу резкий голос Жени Петрова, смягченный южными интонациями, и холодноватый тенорок Ильфа. Мне кажется даже, что я мог бы воспроизвести их рассказ дословно, от первого лица. Но я боюсь упреков в неточности («спустя столько лет вы не могли...» и так далее) и передам этот разговор в косвенной речи.

По словам Петрова, оба они, и он, и Ильф, бегали на площадь Согласия чуть ли не ежедневно.

(Ильф: — Мы заболели площадью Согласия.)

Иногда они брали стулья в саду Тюильри, садились у балюстрады, вытягивали ноги и подолгу смотрели на площадь в безмолвном восхищении. А иногда становились посреди зданий Лувра на площади Карусель, смотрели сквозь Триумфальную арку и видели площадь Согласия и за ней всю стрелу Елисейских Полей, а в конце их, на площади Звезды, вторую Триумфальную арку, а сквозь нее улетающее вдаль авеню Великой Армии.

Главная прелесть площади Согласия, по словам Петрова, в том, что она не обстроена домами, а открыта пространству со всех сторон, за исключением северной. Там стоят, обрамляя вход на улицу Руаяль, два симметричных дворца. А с остальных трех сторон — небо, вода, зелень.

(— Не в этом ее главный смысл, — вмешивался Ильф.)

Петров горячился. Стремясь заглушить Ильфа, он кричал, что заранее знает, что хочет сказать Ильф, — что по краям площади восемь статуй — символы городов. Удивительная память Петрова тут же подсказывала ему: Нант, Бордо, Марсель, Лион, Страсбург, Лилль, Руан, Брест.

(Ильф качал головой: нет, не в этом дело. — Фонтан Луи-Филиппа! — кричал Петров. Но Ильф качал головой.)

Тогда Петров принимался описывать главное диво площади Согласия: Луксорский обелиск. Ему 3500 лет! Он розовый!..

(Ильф: — Строгий и странный.)

— Он из Фив! Храм Аммона! Рамзес Второй! Двадцать четыре метра высоты! Двести тонн веса!..

Исчерпав все аргументы (— Вид на церковь Мадлен!.. Кони Марли у Елисейских Полей!..), Петров напоследок швырял в нас голову Марии-Антуанетты, которая скатилась на этой площади, и изнеможенно умолкал, уставившись на невозмутимого Ильфа взглядом одновременно яростным и вопрошающим.

И тогда тот спокойно объявлял, что самую удивительную работу на площади Согласия проделал не скульптор Кусту, не инженер Леба, не архитектор Габриэль, а другой великий работник, которого зовут Время. Это оно собрало и примирило все различные, противоречивые, спорящие друг с другом части площади Согласия разных стилей, веков и даже стран в одну удивительную непревзойденную гармонию.

Я слушал как завороженный. Я сам, еще не видя площади Согласия, уже начинал заболевать ею. Но рассказ здесь не кончался. Изюминка впереди.

Оказывается, главная беда, по словам Петрова, была в том, что ему с Илей не на кого было излить свои восторги.

Ильф подтверждал, что их распирало от восхищения, что оно булькало в них, и они боялись, что их разорвет.

В самом деле, не парижанам же рассказывать, как хороша площадь Согласия. И не друг другу. А знакомых приезжих, как на зло, не было.

И вот однажды, уже перед самым отъездом из Парижа, Ильф и Петров встретили в консульстве только что приехавшего из Москвы работника философского фронта и его жену.

Женя и Иля тотчас вызвались стать их добровольными гидами. Рассказывая об этом, Петров уверял меня, что возможность показать другим то, что нравится тебе самому, — одна из самых больших радостей в жизни.

Философ не смог пойти. Пришлось удовольствоваться его женой. Ильф уверял, что ее звали Пульсатила Ефимовна. Надо сказать, что Ильф принадлежал к числу писателей, которые коллекционируют необычные имена, подобно Гоголю с его Ляпкиным-Тяпкиным, Земляникой и Яичницей или Чехову с его Фильдекосовым и Дрекольевым. У Ильфа в «Записной книжке» значатся мальчик по имени Вердикт, некто Сухопарыч и мадам Везувий. Ильф утверждал, что помнит слова, с которыми работник философского фронта обратился к жене:

— Пульсатилочка, есть предпосылки погулять с товарищами по Парижу.

Видимо, он был польщен тем, что его жену будут сопровождать знаменитые писатели. По описанию Ильфа и Петрова, Пульсатила Ефимовна была крупная дама с величественными манерами. Характеристики друзей несколько расходились. Петров говорил, что выражение лица у Пульсатилы Ефимовны было кисло-церемонное, как у королевы, у которой заболел живот. Ильф же находил, что она похожа на памятник, который на полчасика спустился к людям, а потом вскарабкается обратно на пьедестал и снова величаво застынет на века.

Но оба сходились в том, что она должна увидеть площадь Согласия всю сразу, а не приближаясь к ней постепенно и привыкая к ее очарованию.

Поэтому они подвели ее к площади по узенькой улочке Буасси д'Англе и остановились за углом у здания автомобильного клуба.

Здесь они попросили ее закрыть глаза.

Затем они подхватили Пульсатилу под руки и бережно повели ее по площади к ее центру, к Луксорскому обелиску.

Рассказывая об этом, Петров признавался, что у него было некоторое опасение, как бы поразительная красота площади Согласия, внезапно нахлынув на Пульсатилу, не вызвала бы у нее нервного потрясения. Но он успокаивал себя тем, что красота не убивает. По-видимому, и у Ильфа мелькнуло то же опасение, потому что по дороге он вдруг спросил Пульсатилу, как у нее с сердцем. Получив утешительный ответ, оба писателя успокоились.

Но вот и Луксорский обелиск. Здесь они остановились. Петров торжественно скомандовал:

— Откройте глаза!

Она открыла. Ильф и Петров самодовольно переглянулись.

Пульсатила Ефимовна медленно поворачивалась вокруг своей оси, величественно, как полководец на параде, оглядывая дефилировавшие перед ней дворцы Габриэля и в глубине между ними прелестный портик церкви Мадлен, и сад Тюильри, с просвечивающими сквозь деревья историческим «Залом для игры в мяч», и за зелено-голубой лентой Сены античные колонны Бурбонского дворца, в которые церковь Мадлен глядится, как в свое отражение, и упоительную перспективу Елисейских Полей.

Петров вспоминал, что он и Ильф тоже, как и спутница их, вращались вокруг своих осей, сопереживая радостное волнение.

Наконец, завершив полный круг, Пульсатила Ефимовна остановилась и произнесла:

— Ну и что?

Петров признавался, что первым его побуждением было вырвать с корнем Луксорский обелиск и хватить его двумястами тоннами Пульсатилу по голове. Кроткий Ильф подтверждал, что и он был близок к тому, чтобы отправить Пульсатилу вслед за Марией-Антуанеттой.

Оба друга вздохнули, снова встали по обе стороны Пульсатилы и препроводили ее обратно к работнику философского фронта, молчаливые и мрачные, как конвоиры.

...Вот о чем вспоминалось мне, когда я проходил через площадь Согласия, лавируя меж автомобилей и теней прошлого.

Рисунок А. Соколова

ЭТОТ безумный МИР...

О. ПРУДКОВ

В ПРЕДИСЛОВИИ к «Пятой колонне» Хемингуэй писал: «Когда идешь туда, куда должен идти, и делаешь то, что должен делать, и видишь то, что должен видеть, — инструмент, которым работаешь, тускнеет и притупляется. Но лучше мне видеть его потускневшим и погнутым и знать, что придется снова выпрямлять и оттачивать его, но знать, что мне есть о чем писать, чем видеть его чистым и блестящим и не иметь, что сказать, или гладким и хорошо смазанным держать его в ящике и не пользоваться им».

Я не раз вспоминал эти слова великого писателя, когда в конце московского театрального сезона одну за другой смотрел шесть новых постановок пьес зарубежных драматургов. Настоящему художнику действительно приходится постоянно оттачивать оружие бойца, потускневшее и погнутое в сегодняшних, непосредственных сражениях в этом, по меткому выражению американского режиссера Стэнли Крамера, безумном, безумном мире.

Недавно в Нью-Йорке поставлена пьеса талантливого американского драматурга Теннеси Уильямса. Пьеса называется «Изувеченные». Одна героиня алкоголичка, у другой вырезана грудь. Та, у которой вырезана грудь, дерется с птицами и теряет сначала один глаз, потом другой. Тоже безумие? Да. Но вместо заинтересованного исследования, почему так плохо живется в безумном, безумном мире, — холодный анализ якобы универсальной порочности человеческой души.

Бесконечная погоня за деньгами, зловещие подсчеты числа бомб, истеричные призывы к войне, острейшие социальные конфликты — вот где должен поработать «инструмент» драматурга.

НО вернемся к московским постановкам. К сожалению, изучение новинок зарубежной драматургии у нас лишено системы. Порой встреча советских зрителей с новым произведением зависит от того, кто какую пьесу случайно где-то видел за рубежом или читал. И тем не менее в этом сезоне в Москве поставлены произведения ведущих, известных в наши дни писателей. Театры сумели уйти от легковесных и бездумных кассовых пьес, которые украшали афишу в недалеком прошлом. Уже не «Третья голова» Эме лидирует в репертуаре. Зрители увидели на сцене Фридриха Дюрренматта, Джона Осборна, Макса Фриша, затрагивающих важнейшие темы современности. Ответственность человека в ядерный век («Физики» Ф. Дюрренматта, «Процесс Ричарда Ваверли» Рольфа Шнайдера), судьбы послевоенной Западной Европы («Визит дамы» Дюрренматта, «Бидерман и поджигатели» Фриша), думы и тревоги немалой части западной молодежи («Оглянись во гневе» Осборна). Хочется посетовать лишь на то, что некоторые зарубежные пьесы пришли на московскую сцену с опозданием. Так, например, «Оглянись во гневе» мы видели десять лет назад в Москве в превосходном исполнении английских актеров. А ведь с тех пор на Британских островах многое изменилось, английские юноши и девушки все отчетливее понимают бессмысленность «битнического» бунта и все чаще обращаются к серьезным социальным проблемам.

Полной сарказма, горечи и бессильной ярости пьесе Осборна, которая считается своего рода манифестом «рассерженных молодых людей», присущ некоторый натурализм. Это не прошло бесследно и для спектакля театра «Современник». В. Сергачев (Джимми Портер) слишком «зоологичен» в своей ненависти к окружающему миру. «Рассерженный молодой человек» уступает место истерику, склонному к семейным скандалам. Мне больше по душе приятная, спокойная и сдержанная игра Г. Фролова (Клифф Льюис), близкая общему серьезному, я сказал бы, «мхатовскому» звучанию спектакля. Особо же в небольшом актерском ансамбле, сыгравшем пьесу Осборна (режиссеры О. Ефремов, В. Сергачев), хочется выделить А. Покровскую. Она с большим внутренним обаянием раскрыла сложный духовный мир Элисон, женщины, попавшей из благопристойного буржуазного мирка в объятия «рассерженного молодого человека».

СЛЕДУЮЩИЕ два спектакля, которые мне удалось посмотреть, — «Визит дамы» и «Процесс Ричарда Ваверли». Различные по жанру, они обладают всеми приметами настоящей театральной публицистики, порой звучащей, как прямой отклик на «события дня».

Актеры театра на Малой Бронной играют Дюрренматта с удовольствием, с огоньком. Миллионерша Клэр Цеханассьян (Л. Сухаревская) не лишена юмора, подчас сентиментальна. Эти черты характера так или иначе связаны с ее прошлым, с ее молодостью, когда она была бедна и любила... увы, не совсем счастливо. А настоящее? «Мир сделал из меня уличную девку, теперь я сделаю из мира публичный дом», — говорит Клэр, цинично предлагая родному городу Гюллену миллион за убийство своего бывшего возлюбленного Илла. Как современная Медея, она безжалостно идет к своей цели.

Сложную эволюцию проходит на наших глазах Илл (Б. Тенин). В первых сценах он — обычный деревенский простак. В далекие дни Илл подло поступил с Клэр, но особой вины за собой не чувствует. Так поступают все. Постепенно в его характере появляются новые черты. И если у Клэр все лучшее в прошлом, Илл на наших глазах превращается в человека, мужественно идущего навстречу смерти.

В пьесе Дюрренматта комедия-буфф соседствует с тончайшей иронией, гротеск — с символикой. И постановщик А. Гончаров сумел перенести на сценические подмостки и обострить все эти тончайшие нюансы. История богатеющего в кредит города Гюллена воспринимается как чудовищная карикатура на пресловутое западногерманское эконо-

(Окончание на 4-й стр.)

В РОЛИ МИРОВОГО ЖАНДАРМА

«Юнайтед Стейтс ньюс» требует увеличения гонки вооружений

Звездно-полосатый флаг распростерся над миром «США подняли защитный зонт над 43 различными странами...» — пишет американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». И еще рисунки в том же номере — американский «джайант» опоясал своим телом земной шар; дядя Сэм тащит нашу планету, он просто изнемогает под «бременем руководства миром». И тут же статья, обильно сдобренная привычными пропагандистскими словечками: «рука Москвы», «красная угроза» — именно это якобы заставляет США затрачивать все новые и новые миллиарды долларов на вооружения, иначе не удастся «охранять мир».

Все поставлено с ног на голову. И, надо полагать, «Юнайтед Стейтс ньюс» отлично понимает, что никакая «угроза с Востока» не нависла над миром. Если что-то действительно грозит омрачить спокойствие на земле, то это американская агрессивная политика. Соединенные Штаты ведут захватническую войну во Вьетнаме, и эта, так называемая малая, локальная война перемалывает в далеких джунглях все новые и новые пополнения.

«Юнайтед Стейтс ньюс», за которым стоят влиятельные военные круги, хочет еще большего. По мнению журнала, символический «защитный зонтик» над землей недостаточно надежен. Да, признает он, США накопили большие запасы ядерного оружия, но необходимо увеличение ассигнований на обычные виды вооружений — армию, флот, авиацию... И тогда дяде Сэму будет легче.

В общем-то во имя этой мысли — США необходимо увеличить ассигнования на обычные вооружения — и написана большая статья, занимающая четыре страницы убористого шрифта в журнале. И рисунки подкрепляют этот тезис. «Почти во всех отношениях, кроме стратегических сил, наши вооружения — авиационные, сухопутные и морские силы — недостаточны, — пишет «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». — Воздушные и морские силы вне Вьетнама не могут обеспечить в случае необходимости быстрых действий. Тактическая авиация обоих названных родов войск работает во Вьетнаме с перегрузкой. Морская пехота США насчитывает во Вьетнаме 50 000 человек, и остается очень мало пехотинцев на случай, если возникнут чрезвычайные обстоятельства в Карибском море или в других частях света...».

Чрезвычайные обстоятельства. Соединенные Штаты Америки взяли на себя роль мирового жандарма для действий против народов, борющихся за свое национальное освобождение. Вьетнам, страны Карибского моря. Для этого, а не для защиты от мифической «опасности с Востока», и нужны Пентагону новые вооружения.

«Литературная газета» выходит
по вторникам,
четвергам
и субботам

КАРТИНКИ С НАТУРЫ

РИМСКИЕ СЮРПРИЗЫ

Энцо **РАВА**

— Караул! «Зеленая волна»!
Рисунок из итальянской газеты «Паэзе сера»

«Зеленая волна»... Чтобы понять, как она возникла, нужно знать, что в июне в Риме и многих других городах Италии состоятся муниципальные выборы. В них будут участвовать пять миллионов человек — более одной пятой всех итальянцев, имеющих право голоса, — цифра убедительная. В столице Италии избиратели должны будут сказать свое слово о муниципалитете, большинство мест в котором принадлежит христианским демократам и социалистам и который до самого последнего времени пребывал в состоянии дремотного оцепенения.

Но вот повеяло ветерком предвыборной борьбы, и наш муниципалитет вдруг развил лихорадочную деятельность; она заслуживала бы восхищения, не будь столь откровенно корыстной и, в сущности, мало полезной. За один только день, например, а именно — в очередную годовщину основания города Ромулом и Рэмом, мы, граждане Рима, до сих пор обычно получавшие от муниципалитета лишь извещения о штрафах и повышении всевозможных поборов, неожиданно получили «в подарок» тоннель для городского транспорта длиной в пятьсот метров; часть королевского парка, античную виллу и «зеленую волну». На этой последней я остановлюсь несколько позже, так что придется вам потерпеть; сначала я должен рассказать, как покладисты жители Вечного города.

На первый взгляд может показаться (впрочем, во всей Италии придерживаются почему-то именно этого взгляда), что мы, римляне, — скептики, фанфароны и сквернословы, что мы ни в грош не ставим авторитет властей и, наконец, что мы, неблагодарные, не ценим тех, кто столько делает для нас. В действительности же о таких покорных гражданах любая городская администрация может только мечтать! Об этом красноречиво говорит хотя бы тот факт, что мы до сих пор еще не подожгли здание муниципалитета, который «обеспечил» нам беспорядок, шум и кучи мусора на улицах, бесконечные автомобильные катастрофы, выбоины и ямы на дорогах, частые перебои в водоснабжении, нехватку школьных помещений и больничных коек, пробки на перекрестках и прочие «прелести» римского коммунального обслуживания. Да, мы, римляне, добры и простодушны. Почти как дети.

В день, когда после пышной церемонии власти открыли движение по новому тоннелю, проходящему в центре столицы, тысячи римлян поспешили, разумеется, «обновить» его. В Нью-Йорке или в Москве, в Париже или в Тимбукту тоннель для автотранспорта — это тоннель для автотранспорта, то есть подземный коридор, который должен облегчить передвижение по городу. Для нас же — больших детей — этот тоннель сразу стал чем-то вроде аттракциона, этакой «американской горки», где очень легко свернуть себе шею. Мы сели в машины и, очертя голову, ринулись в недра земли навстречу опасностям, таящимся за каждым крутым поворотом этого сооружения. В общем мы получили пропасть удовольствия, причем исключительно в силу нашего добродушия и любви к приключениям, а не благодаря заботам властей: ведь этот тоннель они должны были построить по меньшей мере лет пятнадцать назад! Да и вообще нигде не сказано, что он спас положение, ибо все уже привыкли к тому, что, если пробки и заторы каким-либо способом удается ликвидировать в одном месте, они тут же образуются в другом.

В этот же самый день муниципалитет открыл для широкой публики часть парка, принадлежавшего королю, которого народ освободил от дел двадцать лет назад. Разумеется, римляне не преминули посетить парк и находящуюся там виллу. Но власти претендовали на большее — им нужны были аплодисменты. Их они не получили: «Какие еще аплодисменты? Вот уже двадцать лет, как мы выставили короля, а его виллу вы нам отдали только сегодня. Что же, прикажете вас за это благодарить?» — «Но ведь мы ее вам все-таки отдали!» — «Еще бы! Может быть, вы собирались держать ее на замке еще четверть века?»

Кичиться самыми обыденными делами, словно какими-то особыми заслугами, вообще свойственно нынешнему правительству. Так, спустя двадцать лет после свержения фашизма нами все еще управляют на основе фашистских законов. «Но мы же учредили комиссию, которая должна изучить возможность пересмотра этих кодексов», — заявляют наши правители с гордым видом. Спасибо! Непонятно только, почему сами кодексы до сих пор остаются прежними.

Все в то же славное воскресенье был «открыт для народа» доступ в парк одной античной виллы, что следовало бы сделать, между прочим, лет пятьдесят—семьдесят назад. Но римляне — народ незлопамятный и любопытный; они отправились смотреть парк, даже не прихватив с собой плакатов и лозунгов протеста. Да только в предвыборной спешке градоправители забыли выделить места для стоянки автомобилей, и вскоре вилла превратилась в подобие осажденной крепости, вокруг которой метались желающие взять ее приступом посетители.

Но и это еще ничего по сравнению с «зеленой волной» — новейшим изобретением наших властей, каждый месяц придумывающих какие угодно способы разрешить наконец проблему уличного движения, кроме действительно радикальных.

На определенном участке одной из немногих в Риме прямых и широких улиц (то есть там, где движение автотранспорта в общем-то и не было затруднено) в ознаменование славного юбилея столицы была установлена дюжина синхронизированных светофоров, управляемых — если верить официальной версии — «электронным мозгом». Это новшество должно было исключить возможность заторов и зажигать перед автомобилями, идущими с заданной скоростью, один зеленый огонек за другим — создать «зеленую волну».

Представляете, как приняли эту новость римляне? Они явились на указанную улицу в несметном количестве: очень уж хотелось испытать прелести «зеленой волны». Всех нас наполняла законная гордость: Рим, конечно, великий, величайший город, но к некоторым современным штучкам он относится недоверчиво. Это был первый случай, когда отцы города рискнули упорядочить нашу хаотичную повседневную жизнь с помощью кибернетики. Вцепившись руками в руль, ждали мы, когда загорится первый зеленый сигнал.

Старт! И... осечка. Долго после этого спорили, что же все-таки произошло: первая волна автомашин не успела домчаться от одного светофора до другого, как загорелся красный свет. Вторая волна наткнулась на первую; но вот, наконец, путь открыт, часть машин вырывается вперед, и — бац! — опять красный свет. Короче говоря, там, где без электроники мы управлялись за каких-нибудь четверть часа, с электроникой нам пришлось потратить час. Да была ли электроника?

В общем, как вы уже поняли, аплодисментов не последовало. А разве мы были против? Разве наша вина, что механизм у предвыборных игрушек оказался столь примитивным и к тому же неисправным?

РИМ, май.

ЭТОТ безумный МИР...

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

мическое чудо, а биография Клэр Цеханассьян, ее превращение из уличной девки в миллионершу — как памфлет на социальные отношения внутри капиталистического общества, хотя, очевидно, Дюрренматт и не добивался такой широты социальных обобщений.

Сюжет пьесы Рольфа Шнайдера «Процесс Ричарда Ваверли» взят прямо с газетных полос. Это трагическая судьба американского летчика Изерли, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму. Маленький городок, где-то на юге США, суд, который должен объявить сумасшедшим героя второй мировой войны Ричарда Ваверли. Еще бы! Он усомнился в своем праве уничтожить жителей Хиросимы.

Под тревожные звуки барабана из глубины сцены надвигается на зрителя трехэтажная громада суда: внизу — место допроса, на «втором этаже» — подсудимый, адвокаты, а еще выше — присяжные и судьи. Тут же дверь, откуда появляются свидетели. И каждый раз, когда вызывают очередного свидетеля, сцена погружается в темноту, свет выхватывает только лица участников драмы. Звучит пронзительная музыка (композитор Зигфрид Матхус, ГДР). И этот нависающий над зрителем суд, и свет, и музыка создают ощущение неотвратимо идущей к своей цели безжалостной машины буржуазного правосудия (постановка Зигфрида Кюна, ГДР).

Драма Рольфа Шнайдера вообще-то не очень близка творческому почерку Театра сатиры. Может быть, поэтому стиль спектакля порой неоправданно нарушается. На процессе присутствуют журналисты — десяток человек, похожих друг на друга, как сиамские близнецы. Это еще куда ни шло — театр показывает, так сказать, унифицированную прессу. Но пантомима, устроенная журналистами, выпадает из общего рисунка постановки, нарушает драматизм действия. Что уместно, скажем, в «Визите дамы», — неуместно здесь.

Спектакль не во всем равноценен. Иногда сказывается и то, что пьеса не свободна от известной декларативности и схематичности. Но — и это несомненно — драматургу «есть о чем писать».

Теперь о спектаклях, которые могли бы стать, но, на мой взгляд, не стали столь же остропублицистическими. Причина, как мне кажется, заключается в неточном, недостаточно глубоком прочтении пьесы, в недоверии театров к избранному драматургом жанру.

Ф. Дюрренматт — сатирик, мастер гротеска. Театр на Бронной это понял и удачно использовал преимущества жанра. Но вот другая пьеса Дюрренматта — «Физики», тоже сатирическая — поставленная в Театре Советской Армии (режиссер Д. Тункель). Ученый, чтобы скрыть свое разрушительное изобретение, укрывается в сумасшедшем доме. Два других мнимых безумца, одновременно ученые и шпионы, охотятся за изобретением. Но достается оно директрисе психиатрической лечебницы. Три мнимых безумца навсегда остаются в сумасшедшем доме — только там можно сохранить рассудок в нынешнем безумном мире.

В спектакле заняты хорошие актеры (Д. Сагал, В. Зельдин, В. Капустина, П. Вишняков и другие), о каждом из них можно сказать доброе слово, но представление в целом медлительно и скучновато. Видимо, просто невозможно гротескные характеры, парадоксально построенные ситуации пьесы разыгрывать, используя приемы психологической драмы.

Нечто похожее произошло и в спектакле Театра сатиры «Бидерман и поджигатели». Бидерман — это рядовой буржуа-обыватель. Поджигатели — все те, кто стремится взорвать, уничтожить мир. Здесь есть прямая аналогия с фашизмом, с тем, как незаметно и грозно обволакивает он сознание обывателя. Как и Дюрренматт, Фриш тоже пишет в сатирической, памфлетной манере.

Совсем недавно мне пришлось беседовать с самим Максом Фришем. Он находит, что постановка в Театре сатиры острее, чем те, которые он видел на Западе. Это совершенно естественно. Важнейшая задача для советского художника — вскрыть ярко и зримо социальные, политические стороны пьесы. Удалось ли это театру? Неплохи В. Раутбарт (главный поджигатель, кельнер Айзенринг) и особенно Г. Менглет (Бидерман). Запоминается, в частности, сцена обеда во втором акте. Это агония Бидермана, маленького человечка, раздавленного обстоятельствами. Актер отлично передает его смутное состояние — смесь страха и надежды, покорности и жалких остатков человеческого достоинства. Но как будто какой-то внутренний голос сдерживает участников представления, мешая им подняться до высот политического памфлета. И спектакль где-то останавливается на грани бытовой комедии.

Несколько слов о спектакле Театра имени Гоголя «Ужин в Санлисе» (режиссер Б. Голубовский). Эта постановка стоит особняком среди виденных мною пьес. Она не затрагивает больших и серьезных проблем, волнующих человечество. Это комедия о любви и изменах. Не говорю здесь о всех удачах и потерях спектакля, не касаюсь сложного и противоречивого творчества Ануйя в целом. Театр заслуживает поддержки уже потому, что он представил московскому зрителю пьесу одного из известных драматургов современной Франции. И не только представил. Постановщик постарался заострить социальное звучание пьесы. Вот, например, финал спектакля. Бьет 12 часов. Истекло время, на которое Жорж заключил контракт с владельцем роскошного ресторана. Лакеи уносят только что открытое вино, уносят только что поставленные тарелки, скатерть, снимают декоративные украшения, цветы, портреты. Все это было взято напрокат. Герои остаются за голым столом, среди голых стен. Какая жизнь их ждет?

Я не претендую, разумеется, на сколько-нибудь исчерпывающий анализ достижений и просчетов московских театров, работающих над зарубежной темой. Хочу лишь подчеркнуть, с моей точки зрения, главное. Театры стремятся затронуть большие социальные проблемы. На вооружении режиссеров и актеров — и гротеск, и сатира, и драма.

Совсем недавно американский журнал «Тайм» писал: «Дай иным драматургам сцену, и они превратят ее в трибуну, с которой вещает то лектор, то пламенный проповедник». Нам понятна ирония журнала. Она отражает его взгляд на искусство как нечто весьма далекое от жизни. Мы — на противоположных позициях. Наш театр действительно должен быть и трибуной, и пламенным проповедником.

Генрих **БЕЛЬ**

СЕДЬМОЙ СУНДУК

В начале года наш корреспондент Н. Федосюк побывала в Кельне у Генриха Беля. Когда разговор коснулся проблемы писательского творчества, Бель с улыбкой заявил: «Придется вам набраться терпения. Я пишу сейчас небольшой рассказ, посвященный этому вопросу. Как только кончу, пришлю его вам».

Генрих Бель выполнил свое обещание, и мы получили возможность познакомить читателей с остроумной и тонкой миниатюрой о писательском труде. (С разрешения автора печатается с небольшими сокращениями.)

Вот уже 32 года я пытаюсь дописать рассказ, начало которого прочел некогда я в «Вестнике Бокельмундской общины», а обещанного продолжения так и не дождался, поскольку этот скромный печатный орган по неизвестным мне, скорее всего политическим, причинам прекратил свое существование, — дело было в 1933 году. Имя автора рассказа прочно врезалось мне в память: его звали Якоб Мария Гермес, и я целых 32 года тщетно старался разыскать еще какие-либо его сочинения: фамилия эта не упоминалась ни в одном из справочников литературных объединений, она не значилась даже в списке жителей Бокельмундской общины, и мне придется, очевидно, окончательно смириться с мыслью, что Якоб Мария Гермес — псевдоним. Последним редактором «Вестника Бокельмундской общины» числился конректор* в отставке Фердинанд Шмитц, но когда я в конце концов разыскал его, встреча наша долго не могла состояться из-за перипетий довоенного, военного и послевоенного времени. Ступив, наконец, в 1947 году на родную землю, я узнал, что Фердинанд Шмитц только что скончался в возрасте 88 лет. Я готов признаться, что без всякого приглашения отправился на его похороны, и не только чтобы отдать последний долг редактору, опубликовавшему — пусть лишь до половины — самую совершенную, на мой взгляд, новеллу; да и не только потому, что я надеялся получить у родственников умершего какие-нибудь сведения о Якобе Марии Гермесе, но и потому, что в 1947 году участие в деревенских похоронах сулило сытное угощение. В тот летний день в прямоугольнике одного из крестьянских дворов были расставлены столы: гостей потчевали мясом и птицей домашнего забоя, им подали пиво, овощи и фрукты, а затем пироги и кофе, и все это разносили две хорошенькие кельнерши из трактира Неллессена.

Когда шутки стали более вольными, а настроение непринужденным, я принялся подсаживаться ко всем по очереди и расспрашивать присутствующих о рукописном наследии покойного редактора. Сведения, которые я получил, были однородны и обескураживающи: весь архив «Вестника», хранившийся в пяти, шести или семи коробках (разногласия отмечались только в отношении числа), сгорел в последние дни войны по причине «наступления противника». Сытый и слегка захмелевший, но так и не узнав ничего о Якобе Марии Гермесе, я вернулся домой с тем чувством разочарования, которое знакомо каждому, кто когда-либо хотел накрыть одним сачком двух бабочек, но поймал лишь менее яркую и упустил красивую и пеструю бабочку.

И все же в течение последующих 18 лет я продолжал биться над тем же, что и в предыдущие 14 лет: пытался дописать лучшую из прочитанных мной за всю жизнь новеллу; однако все мои старания были тщетны, и по одной простой причине: я никак не мог отомкнуть седьмой сундук.

Здесь мне, к сожалению, снова приходится сделать экскурс в еще более далекое прошлое: не 32, а целых 35 лет назад я выудил из ящика с десятипфенниговой литературой у одного кёльнского букиниста небольшую брошюру под названием «Тайна седьмого сундука, или как я пишу малую прозу». Автор этого любопытного сочинения по имени Генрих Кнехт сообщал о себе, что «против своей воли проходит службу у дейцских кирасиров». Брошюра была выпущена в 1913 году «Издательством и типографией Ульриха Неллессена, Кёльн, угол Тейтобургерштрассе и Матернусштрассе». Ниже мелким шрифтом сообщалось: «Там же можно застать и автора в его (крайне редкие) свободные часы».

Я, конечно, едва ли мог предполагать, что в 1930 году кто-либо по-прежнему «служит» против своей воли у кирасиров там же, где служил и в 1913 году, но существовал какой-то незначительный шанс, что типография и издательство все еще находятся на том же углу. Я с умилением вспоминаю сейчас 13-летнего мальчика, который тут же сел на велосипед и помчался из западной части города в южную, чтобы обнаружить, что обе эти улицы вообще не образуют угла. Я и сегодня еще восхищаюсь своим упорством: проехав от северного входа в Рёмерпарк, где в то время кончалась застройка правой стороны Матернусштрассе, до Тейтобургерштрассе, которая, как нарочно, заканчивалась (да и сейчас еще заканчивается) неподалеку от западного входа в Рёмерпарк, я отправился в контору транспортного общества, где украдкой продолжил карандашом на вывешенном там городском плане правую сторону Матернусштрассе и левую Тейтобургерштрассе и установил, что обе эти улицы, если бы они образовали угол, пересеклись бы где-нибудь посреди Рейна. Следовательно, этот тип, Генрих Кнехт, должен был обитать примерно в 50 метрах к северу от речной вехи 686, в кессоне, на рейнском дне и проплывать по утрам два километра вниз по течению, чтобы попасть в свою кирасирскую казарму.

Я был настолько сражен подобной мистификацией, что на последние гроши купил — впервые в жизни — три сигареты; первая же сигарета мне пришлась по вкусу, и с тех пор я стал заядлым курильщиком.

Никаких следов типографии Неллессена мне, конечно, так и не удалось обнаружить. Искать самого Кнехта я даже не пытался, — быть может, мне следовало раздобыть лодку, вынырнуть в 50 метрах к северу от вехи 686 и схватить Генриха Кнехта за зеленый чуб. Тогда эта мысль не пришла мне в голову, — ныне думать об этом уже поздно: слишком много я выкурил с тех пор сигарет, чтобы отваживаться на такие штуки, а виной всему, разумеется, Кнехт.

Надо ли говорить, что я вскоре наизусть знал трактат Кнехта: я носил его с собой, не расставаясь с ним ни на войне, ни в мирное время; в войну он пропал у меня вместе с сухарным мешком, в котором, кроме того, лежали (да простят меня все воинствующие безбожники!) Новый завет, томик стихов Тракля, полрассказа Гермеса, четыре незаполненных бланка увольнительных, две запасные солдатские книжки, одна ротная печать, немного хлеба и смальца, пакет колбасы и папиросная бумага. Причина потери: наступление противника.

Ныне, обогащенный, можно даже сказать, насыщенный литературными знаниями, к тому же ставший несколько более проницательным, я без труда прихожу к выводу, что Кнехт и Гермес знали друг о друге, что оба эти имени были, быть может, псевдонимами Фердинанда Шмитца и что фигурирующая в обоих случаях фамилия Неллессен могла бы навести меня на след. Все это — неприятные, мучительные для меня предположения, роковые последствия навязанного мне образования, предательство по отношению к разгоряченному, настойчивому мальчугану, пересекшему на велосипеде летний Кёльн в поисках несуществующего уличного угла. Гораздо позднее, быть может, только сейчас, когда я пишу эти строки, мне стало ясно или становится ясно, что имена, любые имена — Кнехт, Гермес, Неллессен, Шмитц — всего лишь пустой звук; важно только одно — кто-то действительно написал эту половину новеллы, действительно написал «Седьмой сундук», и когда меня спрашивают, кто был моим вдохновителем, чье влияние я признаю, я называю два имени: Якоб Мария Гермес и Генрих Кнехт.

К сожалению, я не могу дословно воспроизвести здесь новеллу Гермеса. Поэтому я расскажу только, что в ней происходило. Героиней была девятилетняя девочка. На обсаженном кленами школьном дворе слегка рехнувшаяся, но симпатичная монахиня уговорила ее, заставила хитростью, быть может, даже принудила вступить в братство, члены которого дали обет не один, а два раза посещать по воскресеньям богослужение.

В рассказе была только одна слабая фраза, которая — ведь просчеты коллег писателей всегда лучше всего сохраняются в памяти — мне запомнилась слово в слово. Вот эта фраза: «Сестра Адельгейд внезапно осознала свою никчемность». Во-первых, я глубоко убежден, что это опечатка, что вместо никчемность здесь должно было стоять нескромность (у меня, например, печатники, наборщики и корректоры уже трижды превращали нескромность в никчемность); во-вторых, такая примитивная психологическая характеристика совершенно выпадала из строгих рамок гермесовской прозы, сухостью своей напоминавшей иммортели. А главное, я готов поклясться, человек масштабов Якоба Марии Гермеса не считал монахинь никчемными, а монахини, которые сознавали бы свою никчемность, просто не входили в его репертуар, тем более что девочка у него спустя три абзаца сухой, как выжженная степь, прозы достигает возраста четырнадцати лет, не ведая никаких комплексов и конфликтов, и все это, несмотря на то, что она иногда вообще не ходила по воскресеньям в церковь...

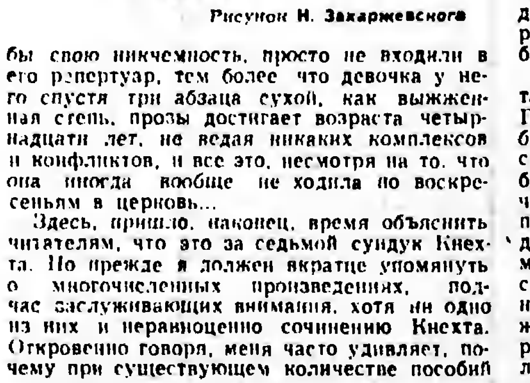

Рисунок Н. Закаржевского

Здесь, пришло, наконец, время объяснить читателям, что это за седьмой сундук Кнехта. Но прежде я должен вкратце упомянуть о многочисленных произведениях, подчас заслуживающих внимания, хотя ни одно из них и неравноценно сочинению Кнехта. Откровенно говоря, меня часто удивляет, почему при существующем количестве пособий по сочинению коротких рассказов так мало все-таки появляется хороших рассказов. В пособиях точно и ясно, без лишних слов, каждому начинающему объясняют, как писать милые, непретенциозные рассказы, которые не причиняли бы никаких хлопот дежурному редактору воскресных приложений, то есть объемом не свыше 100 строк.

Достаточно было бы прочесть подобное руководство, потом только лишь (и в этих трех словах заключен весь секрет искусства писать короткие рассказы) сесть и писать, если бы, да, если бы самое последнее указание Кнехта не гласило: «А из последнего, седьмого сундука готовая лаконичная проза должна выскакивать, точно живая мышь, как только сундук сам собой откроется». Эта фраза всегда напоминала мне одно поверье, которое дошло ко мне от моей прабабушки, — ее фамилия, вероятно, была Неллессен, и тем самым она становится третьим звеном в уже упоминавшемся нами союзе. Моя прабабка считала, что стоит только положить несколько старых хлебных корок и тряпок в картонку или коробку, хорошенько завязать ее, а спустя шесть недель открыть эту коробку или картонку, как из нее выскочат живые мыши.

Итак, мораль моего сообщения ясна: достаточно знать Генриха Кнехта, прочитать полрассказа Гермеса и иметь суеверную прабабушку, чтобы потом только лишь сесть и написать свой первый короткий рассказ. Конечно, необходимо еще иметь кое-какой материал, но нужно его совсем немного. Однако юных читателей, жаждущих писать короткие рассказы и готовых сразу же ринуться на поиски сундуков, спешу предупредить, что понятие «сундук» довольно растяжимо: седьмой «сундук» может быть одним из тех оригинальной формы ларцов, в которых хранятся электрические бритвы, он может быть коробкой из-под сигарет, возможно, даже пустым футляром для гримировальных принадлежностей: важно лишь, как на том настаивает Кнехт, чтобы «сундуки» постепенно уменьшались в размере; первый бывает иногда гигантским. Иначе куда девать автору в первой стадии «накапливания материала», как ее называет Кнехт, вокзал или школу, мост через Рейн или целый квартал многоквартирных домов, до тех пор — а продолжаться это может немало лет, — пока не выяснится, что от моста ему понадобится только краска, от школы — только запах.

Все это нужно будет убрать во второй сундук, где, возможно, уже дожидаются своего часа лошадь, грузовик, казарма и аббатство; от них, в свою очередь, как только настанет пора третьего сундука, могут остаться лишь один волос, скрип тормозов, эхо команды и респонзорий*, а в третьем сундуке уже сложены старое шерстяное одеяло, окурок сигареты, пустые бутылки и несколько ломбардных квитанций. Ломбардные квитанции были, по-видимому, любимыми документами Кнехта, так как мне запомнилась следующая его фраза: «К чему, сочинитель, таскать за собой громоздкие предметы, коль скоро существуют учреждения, кои не только берут на себя заботы по их хранению, но и выплачивают за это деньги, которые тебе не надо возвращать, если по истечении срока у тебя пропал интерес к данным предметам? Пользуйся услугами учреждений, освобождающих тебя от лишнего багажа».

Все остальное не требует много слов, так как все остальное гласит: и так далее. Разумеется, — я ведь хочу избежать каких бы то ни было недоразумений, — разумеется, пятым или шестым сундуком может быть какой-нибудь футляр размером в спичечную коробку, а седьмым — жестянка из-под печенья. Важно одно: седьмой сундук должен быть завязан хотя бы простой тесьмой и должен сам собой открыться. Остается нерешенным только один вопрос, очевидно, волнующий юных читателей: как быть с живыми людьми? Ведь хорошему короткому рассказу приходится иногда целых двадцать лет дожидаться в седьмом сундуке своего часа, а не лишишь же живых людей на такой срок свободы; в ломбард их тоже не сдашь, куда же их девать? Отвечаю: они не нужны: можно вырвать у них волос, тайком вытянуть из ботинка шнурок или мазануть губной помадой по листку папиросной бумаги: этого достаточно, ведь — здесь я вынужден снова сослаться на свою прабабушку Неллессен — в коробку или картонку жизнь не вкладывают, жизнь должна сама возникать в них и сама оттуда выскакивать. И так далее, — а потом остается только лишь сесть и писать.

КЁЛЬН

Перевела с немецкого Н. ФЕДОСЮК

---

* Помощник директора начальной школы.

* Католическое церковное песнопение, в котором солист и хор сменяют друг друга.

ХРОНИКА

В Москву прибыла группа болгарских писателей — Христо Трянов, Слав Г. Караславов и Рангел Игнатов. Они совершат поездку по СССР, чтобы написать книгу о нашей стране и 50-летию Советской власти. Болгарские писатели выразили желание осмотреть места подмосковной обороны и, в частности, рубеж у разъезда Дубосеково, где сражались 28 героев-панфиловцев. На днях они побывали на этом священном поле славы советского оружия. Их сопровождали советские писатели А. Бек и А. Кривицкий. Болгарские гости осмотрели обелиск, поставленный 28 героям и линию окопа на высоте 251. Еще и сейчас явственно видна эта линия очертания блиндажей, ходы сообщения. Возле мемориальной доски, водруженной в чистом поле, московские пионеры посадили 28 деревьев. Это аллея легендарных героев.

В благоговейном молчании стояли болгарские гости и все присутствовавшие у места, где четверть века тому назад советские патриоты сражались насмерть, помня девиз народа, выраженный в словах Василия Клочкова-Диева: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва».

Болгарские писатели выразили глубокое удовлетворение своей поездкой к разъезду Дубосеково.

Н. И. ТЕРЕЩЕНКО

30 мая на 68-м году жизни скончался Николай Иванович Терещенко, один из зачинателей украинской советской поэзии.

Н. И. Терещенко родился 14 сентября 1808 года на Полтавщине, в крестьянской семье. Его первое поэтическое произведение было опубликовано в 1918 году, через четыре года вышла книга переводов из Верхарна, в 1924 году — книга стихов «Лаборатория». С той поры Николай Иванович плодотворно сочетал творческую работу с активной литературно-общественной деятельностью. Он был членом оргкомитета Союза писателей СССР, членом правления Союза писателей Украины. Был участником Международной конференции революционных писателей 1930 года. Много сил отдал Николай Иванович работе в киевских газетах, в Гослитиздате УССР. Почти десять лет он редактировал журнал «Життя і революція», дав путевку в литературу многим украинским писателям.

Почти за полстолетия Н. И. Терещенко создал несколько десятков книг, лучшие из которых переведены на русский и другие языки. Огромный авторитет и уважение заслужил Николай Иванович неутомимой переводческой деятельностью. Именно в его блестящих переводах украинский читатель познакомился с произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, В. Маяковского, Я. Купалы, Я. Коласа, Э. Золя, А. Барбюса, Л. Арагона, поэтов Востока...

Н. И. Терещенко прожил большую и славную жизнь, был верным сыном советского народа.

Светлая память о Николае Ивановиче Терещенко сохранится в наших сердцах.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ
КОМИТЕТ ПО ПЕЧАТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-58-17, внутренней жизни — К 4-08-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-89, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-08-00.

ИНДЕКС 50067. Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б — 03988

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).